

Дюма А.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
ВИКОНТ ДЕ БРАЖЕЛОН,
ИЛИ ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ**

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Дюма. Собрание сочинений

Александр Дюма

**Виконт де Бражелон, или
Десять лет спустя. Часть шестая**

«Алгоритм»

1850

ББК 84(4Фр)

Дюма А.

Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя. Часть шестая /
А. Дюма — «Алгоритм», 1850 — (Дюма. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-486-02145-9

Александр Дюма (1802–1870) – знаменитый французский писатель, завоевавший любовь читателей историческими приключенческими романами. Литературное наследие Дюма огромно: кроме романов им написаны пьесы, воспоминания, путевые очерки, детские сказки и другие произведения самых различных жанров. В данный том Собрания сочинений вошла шестая, заключительная часть романа «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя». Комментарии С. Валова

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-02145-9

© Дюма А., 1850
© Алгоритм, 1850

Содержание

I	6
II	10
III	19
IV	24
V	29
VI	35
VII	38
VIII	41
IX	46
X	51
XI	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Дюма
Виконт де Бражелон, или
Десять лет спустя. Часть шестая

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2008

© ООО «РИЦ Литература», комментарии, 2008

I

Утро

Мрачной участи короля, запертого в Бастилии и в отчаянии грызущего замки и решетки, старинные летописцы со свойственной им риторикой не преминули бы противопоставить Филиппа, спящего под королевским балдахином. Это не значит, что риторика всегда плоха и напрасно рассыпает цветы, которыми она украшает историю; но мы извинимся за то, что старательно сгладим здесь контраст и с интересом нарисуем вторую картину, которая должна служить соответствием первой.

Молодой принц спустился из комнаты Арамиса, как король спустился из комнаты Морфея. Купол медленно опустился под давлением пальца Арамиса, и Филипп оказался перед королевской кроватью, которая поднялась после того, как на ней был спущен в глубину под-земелья новый узник.

Наедине с этой роскошью, наедине со всем своим могуществом, наедине с той ролью, которую ему предстояло играть, Филипп в первый раз почувствовал, как его душа открывается тем тысячам чувствований, которые являются жизненным биением королевского сердца. Но он побледнел, когда посмотрел на пустую и еще смятую его братом постель. Наклонившись, чтобы лучше ее рассмотреть, он увидел платок, еще влажный от холодного пота, который струился со лба Людовика XIV. Этот пот ужаснул Филиппа, как кровь Авеля ужаснула Каина.

– Я лицом к лицу со своей судьбой, – произнес бледный, с горящими глазами Филипп. – Будет ли она более страшной, чем был мой плен? Буду ли я вечно прислушиваться к угрызениям совести?.. Ну да, король спал на этой кровати; его голова смяла эту подушку; его слезы омочили этот платок. И я не решаюсь лечь на эту кровать, взять в руки платок с вышитым гербом короля... Надо решиться, надо стать похожим на господина д'Эрбле, который хочет, чтобы действие всегда было на ступень выше, чем намерение; надо подражать господину д'Эрбле, который думает только о себе и называется честным человеком, потому что не сделал зла никому и не предал никого, кроме своих врагов. Эта кровать была бы моей, если бы не преступление нашей матери. Этим платком, на котором вышит французский герб, я бы пользовался, если б меня оставили на моем месте, в королевской колыбели, как говорит господин д'Эрбле. Филипп, французский принц, ложись же на свою кровать!.. Филипп, единственный король Франции, верни свой герб! Филипп, единственный законный наследник Людовика Тринадцатого, отца твоего, будь безжалостен к узурпатору, который даже в эту минуту не раскаивается в причиненных тебе страданиях.

Сказав это, Филипп, несмотря на инстинктивное отвращение, несмотря на дрожь и ужас, сковывавшие его тело и волю, заставил себя лечь на еще теплую постель Людовика XIV и прижать ко лбу его еще влажный платок.

Он откинулся на мягкую подушку и увидел над головой корону Франции, которую, как мы упоминали, поддерживал золотокрылый ангел.

Пусть читатели попробуют представить себе этого царственного самозванца с темным взором и лихорадочно трепещущим сердцем. Он был похож на тигра, пробуждавшего всю грозную ночь и нашедшего в тростнике покинутое львиное логово.

Можно испытывать гордость от того, что спишь в львином логове, но будет ли этот сон спокойным?

Филипп прислушивался к малейшим звукам, его сердце вздрагивало от предчувствия всевозможных ужасов, но, веря в свои силы, удвоенные последним решением, он ждал, что какое-нибудь внезапно явившееся обстоятельство позволит ему узнать себе цену. Он надеялся,

что какая-нибудь опасность вспыхнет перед его глазами, как фосфорический свет во время бури, что указывает мореплавателям высоту волн.

Но все было спокойно. Тишина, смертельный враг честолюбцев, окутывала своим густым покровом будущего короля Франции.

Лишь под утро человек или, вернее, тень проскользнула в королевскую спальню. Филипп ждал этого человека и не удивился его приходу.

– Ну, господин д'Эрбле? – спросил он.

– Ваше величество, все кончено.

– Как?

– Было все, чего мы ожидали.

– Сопротивление?

– Бешеное: стоны, крики.

– Потом?

– Потом оцепенение.

– И наконец?..

– Полная победа и абсолютное молчание.

– Комендант Бастилии подозревает?..

– Ничего.

– Из-за сходства?

– Это причина успеха.

– Но узник, несомненно, попытается объяснить, кто он, вы подумали об этом? Ведь это мог бы сделать я, но мне пришлось бы преодолевать могущество, несравненно более сильное, чем мое нынешнее.

– Я позаботился обо всем. Через несколько дней, может быть, и скорее, если понадобится, мы извлечем нашего пленника из тюрьмы и отправим его в такое далекое изгнание...

– Из изгнания возвращаются, господин д'Эрбле.

– Я сказал, в такое далекое, что всех человеческих сил и всей жизни будет мало, чтобы вернуться.

Глаза молодого короля и глаза Арамиса встретились. В них было холодное выражение взаимного понимания.

– А господин дю Валлон? – спросил Филипп, меняя тему разговора.

– Он сегодня будет представлен вам и конфиденциально поздравит вас с избавлением от той опасности, которой подверг вас узурпатор.

– Что мы с ним сделаем?

– С господином дю Валлоном?

– Мы пожалуем ему герцогский титул, не правда ли?

– Да, герцогский титул, – повторил, странно улыбаясь, Арамис.

– Почему вы смеетесь, господин д'Эрбле?

– Я смеюсь по поводу предусмотрительности вашего величества. Вы опасаетесь того, что бедный Портос может стать неудобным свидетелем, и вам хочется от него отделаться.

– Жалую его герцогом?

– Разумеется. Ведь вы этим его убьете. Он умрет от радости, и тайна умрет вместе с ним.

– Ах, боже мой!

– Я потеряю хорошего друга, – флегматично сказал Арамис.

И вдруг в разгар их шутиливой беседы, которой заговорщики скрывали радость успеха, Арамис услышал нечто, что заставило его встрепетаться.

– Что такое? – спросил Филипп.

– Утро, ваше величество.

– Так что ж?..

– Вечером, прежде чем лечь в эту постель, вы, вероятно, сделали какое-нибудь распоряжение на утро?

– Я сказал капитану мушкетеров, – живо ответил молодой человек, – что утром буду его ждать.

– О, в таком случае он, несомненно, придет, так как он человек весьма исполнительный.

– Я слышу шаги в передней.

– Это он.

– Что ж, начнем атаку, – решительно сказал молодой король.

– Осторожно! Начинать атаку с д'Артаньяна – это безумие. Д'Артаньян ничего не знает, д'Артаньян ничего не видел, он никак не может подозревать нашу тайну, но если он сейчас проникнет сюда первый, он почувствует, что здесь что-то произошло, и решит этим заняться. Видите ли, ваше величество, прежде чем впустить сюда д'Артаньяна, мы должны так проветрить комнату или ввести сюда столько людей, чтобы эта самая лучшая ищейка во всем королевстве потеряла след среди множества разных следов.

– Но как же тогда быть, раз я ему сам назначил явиться? – заметил король, желая поскорее померяться силами с таким опасным противником.

– Я беру это на себя, – отвечал ванский епископ, – и для начала я нанесу такой удар, от которого у него сразу закружится голова.

В этот момент раздался стук в дверь. Арамис не ошибся: это был действительно д'Артаньян, который сообщал о своем приходе.

Мы знаем, что он провел ночь, беседуя с господином Фуке. Под конец беседы он утомился, но, как только рассвет окрасил голубоватым сиянием роскошные карнизы суперинтендантской спальни, он встал с кресла, поправил шпагу, одежду и рукавом почистил шляпу.

– Вы уходите? – спросил господин Фуке.

– Да, монсеньер. А вы?

– Я остаюсь.

– Вы даете слово?

– Да, конечно.

– Хорошо. Я, впрочем, выхожу, только чтобы получить ответ, – вы понимаете, о чем я говорю?

Сказав это, капитан простился с господином Фуке, чтобы отправиться к королю.

Он уже переступил порог, когда Фуке остановил его:

– Прошу вас оказать мне еще один знак вашего расположения.

– Пожалуйста, монсеньер.

– Господина д'Эрбле! Дайте мне повидать господина д'Эрбле!

– Я постараюсь привести вам его.

Д'Артаньян не думал, что ему так легко удастся выполнить это обещание.

Как мы уже сказали, он подошел к двери спальни короля и постучал. Дверь открылась. Капитан мог подумать, что сам король открывает ему. Это предположение было вполне вероятно ввиду того волнения, в котором накануне оставил мушкетер Людовика XIV. Но вместо короля, которого он собирался почтительно приветствовать, д'Артаньян увидел худое бесстрастное лицо Арамиса. От удивления он едва не вскрикнул.

– Арамис! – проговорил он.

– Здравствуйте, дорогой д'Артаньян, – холодно приветствовал его прелат.

– Вы... здесь? – пробормотал мушкетер.

– Король просит вас передать, что еще поживает после такой утомительной ночи.

– Ах! – произнес д'Артаньян, который никак не мог понять, каким образом ванский епископ за шесть часов превратился в самого могущественного фаворита, который когда-либо бывал у короля. Ведь для того, чтобы служить посредником между Людовиком XIV и его слу-

гами, для того, чтобы приказывать его именем, находясь в двух шагах от него, надо было стать чем-то большим, чем когда-либо был Ришелье для Людовика XIII.

Выразительный взгляд д'Артаньяна, открытый от удивления рот и взъерошенные усы самым красноречивым образом поведали об этом новому фавориту, который, однако, нисколько не смутился.

– Кроме того, – продолжал епископ, – будьте любезны, господин капитан мушкетеров, допустить лиц, имеющих на это право, только к позднему утреннему приему. Его величество желает еще почивать.

– Но, господин епископ, – отвечал д'Артаньян, готовый возмутиться и высказать подозрения, которые ему внушало молчание короля, – его величество велел мне явиться на прием сегодня утром.

– Отложим, отложим, – раздался из глубины алькова голос короля, заставивший д'Артаньяна вздрогнуть.

Он поклонился, потрясенный и остолебневший от улыбки, которой одарил его Арамис, как только король произнес эти слова.

– А чтобы получить ответ на то, за чем вы пришли к королю, дорогой д'Артаньян, – продолжал епископ, – вот вам приказ, с которым вы тотчас же ознакомитесь. Это приказ относительно господина Фуке.

Д'Артаньян взял приказ, который ему протянул епископ.

– Освободить? – пробормотал он. – Вот оно что! – протянул он понимающим тоном.

Приказ объяснял ему присутствие Арамиса у короля; видимо, Арамис в большой милости у короля, если ему удалось добиться освобождения господина Фуке; эта же милость объясняла невероятную самоуверенность, с которой господин д'Эрбле отдавал приказания именем короля.

Д'Артаньяну достаточно было понять хоть что-нибудь, чтобы понять все. Он поклонился и сделал два шага по направлению к выходу.

– Я иду с вами, – сказал епископ.

– Куда?

– К господину Фуке, я хочу насладиться его радостью.

– Ах, Арамис! Как же вы меня удивили только что!

– Но теперь вы все понимаете?

– Еще бы, конечно! – громко сказал д'Артаньян. А про себя прошептал: «Ничего я не понимаю! Но все равно, раз есть приказ – все остальное неважно».

Потом любезно произнес:

– Прошу вас, идите вперед, монсеньер.

Д'Артаньян повел Арамиса к Фуке.

II

Друг короля

Фуке с нетерпением ждал д'Артаньяна. Он отказался принять нескольких своих друзей и слуг, пришедших к его двери раньше начала обычного приема. У каждого из них, умалчивая об опасности, нависшей над ним, он спрашивал одно: где можно найти Арамиса?

Когда же он увидел, наконец, д'Артаньяна и идущего за ним ванского епископа, его радость была огромна: она сравнялась с его беспокойством. Увидеть Арамиса было для суперинтенданта некоторым успокоением за несчастье ареста.

Прелат был молчалив и серьезен; д'Артаньян был потрясен немыслимым числом всех этих невероятных происшествий.

– Итак, капитан, благодаря вам я имею счастье видеть господина д'Эрбле?

– И еще нечто лучшее, монсеньер.

– Что же?

– Свободу.

– Я свободен?

– Свободны! Это приказ короля.

Фуке взял себя в руки, потом вопросительно взглянул на Арамиса.

– О да, благодарите господина ванского епископа, так как именно ему вы обязаны тем, что король переменял свое решение, – сказал д'Артаньян.

– О! – воскликнул Фуке, скорее униженный этой услугой, чем благодарный за успех.

– Монсеньер, – продолжал д'Артаньян, обращаясь к Арамису, – вы покровительствуете господину Фуке. Не сделаете ли вы что-нибудь и для меня?

– Все, что вы захотите, мой друг, – отвечал епископ спокойным голосом.

– У меня только один вопрос, и я буду удовлетворен вашим ответом. Каким образом вы стали фаворитом короля, ведь вы говорили с ним не больше двух раз за всю вашу жизнь?

– От такого друга, как вы, ничего не скрывают.

– Поделитесь же, прошу вас.

– Вы думаете, что я видел короля два раза, в действительности я видел его больше ста раз. Только мы это скрывали, вот и все.

И, не придавая значения тому, как вспыхнул д'Артаньян от этого признания, Арамис повернулся к господину Фуке, который был столь же удивлен, как мушкетер.

– Монсеньер, – сказал он, – король просил меня сообщить вам, что он больше чем когда-либо ваш друг и что ваш прекрасный и так щедро устроенный для него праздник тронул его сердце.

После этой фразы он так церемонно поклонился господину Фуке, что тот, будучи не в силах понять подобную тонкую дипломатию, так и застыл на месте без голоса, без мысли и без движения.

Д'Артаньян понял, что им надо о чем-то поговорить, и хотел уйти, как того требует вежливость, которая в таких случаях гонит человека к двери, но его страстное, подстрекаемое столькими тайнами любопытство посоветовало ему остаться.

Однако Арамис ласково обратился к нему:

– Друг мой, вы помните приказ короля, отменяющий сегодняшний утренний малый прием?

Сказано было достаточно ясно. Мушкетер понял; он поклонился господину Фуке, затем, с оттенком иронического почтения, поклонился Арамису и вышел.

Господин Фуке, едва дождавшийся этого момента, бросился к двери, чтобы запереть ее, потом подошел к епископу и сказал:

– Дорогой д'Эрбле, мне кажется, пришло время объяснить мне, что происходит. По правде сказать, я ничего не понимаю.

– Я сейчас все вам объясню, – сказал Арамис, садясь и усаживая господина Фуке. – С чего начинать?

– Прежде всего скажите, почему король приказал меня освободить?

– Скорее, вы должны были бы спросить, почему он приказал вас арестовать.

– Со времени ареста у меня было время об этом подумать, и мне кажется, что здесь дело в зависти. Мой праздник вызвал раздражение господина Кольбера, и он что-то затеял против меня. Может быть, поставил мне в вину Бель-Иль?

– Нет, речь шла не о Бель-Иле.

– О чем же?

– Помните расписку на тринадцать миллионов, которую выкрали у вас по поручению Мазарини?

– О да! И что же?

– Вас объявили вором.

– Боже мой!

– Это не все. Помните о письме, которое вы написали мадемуазель Лавальер?

– Увы, помню!

– На этом основании вы объявлены предателем и совратителем.

– Тогда почему же я прощен?

– Не спешите, мы сейчас дойдем до этого. Вы должны понять суть дела. Заметьте следующее: король считает вас растратчиком. О, я отлично знаю, что вы ничего не растратили, но король не видел расписок и, следовательно, не может не считать вас преступником.

– Простите, я не вижу...

– Сейчас увидите. Король, прочтя ваше любовное письмо с предложениями, сделанными вами Лавальер, больше не сомневается относительно ваших намерений, касающихся этой красоты.

– Разумеется. Но где же вывод?

– Я подхожу к нему. Значит, король навеки ваш неумолимый враг, не так ли?

– Да, но он прощает меня?

– Вы верите в это? – спросил епископ, испытующе глядя на Фуке.

– Не веря в искренность королевского сердца, я верю самому факту.

Арамис слегка пожал плечами.

– Тогда почему же Людовик Четырнадцатый поручил вам передать мне то, что вы мне сейчас сообщили? – спросил Фуке.

– Король мне ничего не поручал передавать вам.

– Ничего!.. А как же этот приказ?.. – сказал пораженный Фуке.

– Ах, да, конечно, есть такой приказ.

Эти слова были произнесены таким странным тоном, что Фуке вздрогнул.

– Вы что-то скрываете от меня, я это вижу, – сказал он.

Арамис погладил подбородок холеными белыми пальцами.

– Король посылает меня в изгнание? Говорите же!

– Попробуйте догадаться!

– Вы меня пугаете.

– Ба! Значит, вы не догадались.

– Что вам сказал король? Во имя нашей дружбы, прошу вас, не скрывайте ничего от меня.

– Король ничего не сказал.

- Вы хотите, чтобы я умер от нетерпения, д’Эрбле. Я еще суперинтендант?
- Пока вы этого хотите.
- Но что за странную власть вы вдруг получили над волей его величества? Вы заставляете его следовать вашим указаниям.
- Мне так кажется.
- Трудно поверить!
- Так будут говорить.
- Д’Эрбле, во имя нашей дружбы, во имя самого дорогого для вас, умоляю! Благодаря чему вы вошли в такое доверие к Людовику Четырнадцатому? Я знаю, ведь он не любил вас.
- Теперь король будет меня любить, – сказал Арамис, подчеркивая первое слово.
- Между вами что-то произошло?
- Да.
- И это тайна?
- Да, тайна.
- Тайна, которая может повлиять на интересы его величества?
- Вы умнейший человек, монсеньер. Да, вы угадали. Я действительно открыл тайну, способную повлиять на интересы короля Франции.
- Ну что ж! – произнес Фуке со сдержанностью воспитанного человека, не желающего расспрашивать.
- А вы сами будете судить, – продолжал Арамис, – вы сами скажете мне, ошибаюсь ли я относительно важности этой тайны.
- Я слушаю, раз вы так добры, что хотите открыться мне. Только заметьте, друг мой, что я не вызывал вас на нескромность.
- Арамис задумался на мгновение.
- Не говорите! – воскликнул Фуке. – У вас еще есть время!
- Вы помните, – сказал епископ, опустив глаза, – рождение Людовика Четырнадцатого?
- Как сегодня.
- Вы ничего особенного не слыхали об этом рождении?
- Ничего, кроме того, что король не настоящий сын Людовика Тринадцатого.
- Это не так важно ни для нас, ни для королевства. Всякий человек, имеющий законного отца, есть сын своего отца, гласит французский закон.
- Это верно. Но это важно, когда вопрос касается чистоты крови.
- Это второстепенно. Значит, вы ничего особенного не слыхали?
- Ничего.
- Вот тут и начинается моя тайна.
- А!
- Королева родила не одного сына, а двух.
- Фуке поднял голову.
- И второй умер? – спросил он.
- Сейчас узнаете, потерпите. Эти близнецы должны были быть гордостью своей матери и надеждой Франции. Но слабость короля и суеверие внушили ему страх, как бы между двумя детьми не вышло спора, хотя они равны в правах, и тогда он избавился от одного из близнецов.
- Вы говорите, избавился?
- Подождите... Оба брата выросли: один на троне, и вы его министр; другой – в тени и одиночестве...
- И этот?..
- Мой друг.
- Боже мой! Что вы говорите, господин д’Эрбле? Что же делает этот бедный принц?
- Спросите сначала, что он делал.

– Да, да.

– Он был воспитан в деревне, потом заключен в крепость, известную под названием Бастилия.

– Возможно ли? – воскликнул суперинтендант, сложив руки.

– Один – счастливейший из смертных, второй – несчастнейший из несчастных.

– А мать его не знает об этом?

– Анна Австрийская знает все.

– А король?

– Король не знает ничего.

– Тем лучше!

Это восклицание, видимо, очень поразило Арамиса. Он посмотрел с беспокойством на своего собеседника.

– Простите, я вас перебил, – сказал Фуке.

– Я уже сказал вам, – продолжал Арамис, – что бедный принц был несчастнейшим из людей, когда Бог, пекущийся о всех своих созданиях, решил все же прийти к нему на помощь.

– И как же?

– Вы увидите... Царствующий король... Я говорю «царствующий» – вы догадываетесь, почему я говорю так?

– Нет... Почему?

– Потому, что оба по праву рождения могли бы быть королями. Вы тоже придерживаетесь такого мнения?

– Да.

– Решительно?

– Решительно. Близнецы – один человек в двух лицах.

– Приятно, что такой опытный и знающий законник дает мне такое четкое разъяснение. Значит, для нас установлено, что оба близнеца имели одинаковые права?

– Установлено... Но боже мой, какие загадки!

– Бог пожелал послать униженному мстителю, или, если хотите, поддержке. И случилось, что царствующий король – узурпатор... Вы ведь согласитесь со мной, не правда ли, что спокойное и эгоистичное владение наследством, на которое, в лучшем случае, имеешь половинное право, называется узурпацией?

– Да, узурпация – очень точное определение.

– Итак, я продолжаю. Бог пожелал, чтобы у узурпатора был первым министром человек с большим талантом и великим сердцем и к тому же с великим умом.

– Это хорошо, хорошо! Я понимаю: вы рассчитывали на меня, чтобы помочь исправить зло, нанесенное несчастному брату Людовика Четырнадцатого. Вы правильно решили, я помогу вам. Благодарю вас, д'Эрбле, благодарю!

– Нет, совсем не то. Вы мне не даете закончить, – сказал Арамис.

– Я молчу.

– Дело в том, что царствующий король возненавидел господина Фуке, своего первого министра, и ненависть эта, подогретая интригой и клеветой, к которой прислушивался монарх, стала угрожать состоянию, свободе и даже жизни господина Фуке. Но Бог послал господину Фуке, опять же для спасения принесенного в жертву принца, верного друга, который знал государственную тайну и чувствовал себя в силах раскрыть эту тайну после того, как имел силу хранить ее двадцать лет в своем сердце.

– Не продолжайте! – вскричал Фуке, кипя великодушием. – Я вас понимаю и все угадываю. Вы пошли к королю, когда до вас дошла весть о моем аресте; вы его просили обо мне, но он не захотел вас выслушать; тогда вы пригрозили ему раскрытием тайны, и Людовик Четыр-

надцатый в ужасе согласился на то, в чем прежде отказывал вам. Я понимаю, понимаю! Вы держите короля в руках! Я понимаю!

– Вы ничего не понимаете, – отвечал Арамис, – и снова прерываете меня, мой друг. И затем, позвольте мне заметить вам, что вы пренебрегаете логикой и к тому же кое-что плохо помните.

– Как так?

– Вы помните, на что я настойчиво указывал в начале нашего разговора?

– Да, на ненависть его величества ко мне, на неодолимую ненависть. Но какая ненависть сможет устоять перед угрозой такого разоблачения?

– Какого разоблачения? Вот тут-то вам и не хватает логики. Как! Вы допускаете, что я, раскрыв королю такую тайну, был бы жив в настоящий момент?

– Вы были у короля десять минут тому назад.

– Пусть так! Возможно, он не успел бы велеть убить меня, но у него хватило бы времени приказать заткнуть мне глотку и бросить в тюрьму. Рассуждайте же здраво, черт возьми!

И по этим мушкетерским словам, по этой вспышке несдержанности человека, который всегда владел собой, Фуке понял, до какого возбуждения дошел спокойный и непроницаемый ванский епископ. И, поняв, он вздрогнул.

– И затем, разве был бы я тем, что я есть, – продолжал, овладев собой, Арамис, – был бы я истинным другом, если бы, зная, как король вас ненавидит, подвергал бы вас еще более сильной ненависти? Обворовать его – это ничто; ухаживать за его любовницей – очень немного; но держать в своей власти его корону и честь! Да он, скорее, собственными руками вырвал бы у вас сердце из груди.

– Значит, вы ему ничем не показали, что знаете эту тайну? – спросил Фуке.

– Я предпочел бы выпить все яды, которые Митридат пил в течение двадцати лет, чтобы не умереть от отравления.

– Что же вы сделали?

– Наконец мы дошли до сути. Я думаю, что мне удастся пробудить в вас кое-какой интерес. Вы ведь внимательно слушаете меня, не правда ли?

– Еще бы! Говорите, прошу вас.

Арамис прошелся по комнате, убедился, что они одни и кругом все тихо, и вернулся к Фуке, который, сидя в кресле, в глубоком волнении ждал его откровений.

– Должен упомянуть, – продолжал Арамис, – о замечательной особенности этих близнецов: Бог создал их до того похожими друг на друга, что только он один и мог бы их различить. Их собственная мать не могла бы сделать этого.

– Возможно ли? – воскликнул Фуке.

– То же благородство в чертах, та же походка, тот же рост и тот же голос.

– Но мысли? Но ум? Но знание жизни?

– О, вот в этом неравенство, монсеньер, ибо бастильский узник несравненно выше своего брата, и если бы эта бедная жертва перешла из тюрьмы на трон, Франция узнала бы самого мудрого и благородного властелина, какой когда-либо правил ею.

Фуке сжал руками голову, отягощенную великой тайной. Арамис подошел к нему ближе и сказал:

– Есть еще разница, очень существенная для вас, монсеньер, между близнецами, сыновьями Людовика Тринадцатого: второй не знает господина Кольбера.

Фуке тотчас поднялся, бледный и взволнованный. Удар поразил более его ум, а не сердце.

– Я вас понимаю, – сказал он Арамису, – вы мне предлагаете заговор.

– Приблизительно.

– Одну из таких попыток, что меняют судьбы государств?

– И суперинтендантов. Да, монсеньер.

– Короче говоря, вы предлагаете мне подменить сына Людовика Тринадцатого, который сейчас спит в покоях Морфея, сыном Людовика Тринадцатого, который находится в тюрьме?

Арамис улыбнулся, и на его лице мелькнул отблеск его мрачной мысли.

– Допустим, так!

– Но вы не подумали, – сказал после тяжелого молчания Фуке, – вы не подумали, что такой политический акт может перевернуть все королевство?

Арамис молчал.

– Подумайте, – продолжал, все более разгораясь, Фуке, – ведь нам надо будет собрать все дворянство, духовенство и третье сословие; низложить царствующего короля, покрыть ужасным позором могилу Людовика Тринадцатого, погубить жизнь и честь женщины, Анны Австрийской, жизнь и покой другой женщины, Марии-Терезии, и, закончив все это, если мы только сможем это закончить...

– Я вас не понимаю, – холодно перебил Арамис, – вы сейчас не высказали ни одной полезной мысли.

– Как? – удивился суперинтендант. – Разве такой человек, как вы, не обсуждает практической стороны дела? Вы ограничиваетесь детской радостью политической иллюзии и пренебрегаете условиями выполнения, то есть реальностью? Возможно ли это?

– Мой друг, – сказал с небрежной фамильярностью Арамис, – как поступает Бог, когда одного короля заменяет другим?

– Бог? Бог дает распоряжение исполнителю его воли, который хватается осужденного, уносит его и сажает триумфатора на опустевший трон. Но вы забываете, что этот исполнитель – смерть. О, боже мой, господин д'Эрбле, неужели вы хотели?..

– Вопрос не в этом, монсеньер. Вы уже переходите за границы цели. Кто вам говорит о том, чтобы послать смерть Людовику Четырнадцатому? Кто вам говорит о том, чтобы подражать Богу в его делах? Нет. Я хотел вам сказать, что Бог совершает такие вещи без шума, без усилий, а люди, вдохновленные им, преуспевают, как и он, в своих предприятиях, в своих попытках, в своих делах.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хотел вам сказать, мой друг, – продолжал Арамис с тем же выражением, как и в первый раз, – что если были потрясение, шум или даже усилия при подмене короля узником, то я предлагаю вам доказать мне это.

– Что? – воскликнул Фуке, побелев, как платок, которым он вытирал лоб. – Вы говорите...

– Пойдите в спальню короля, – продолжал спокойно Арамис, – и я утверждаю, что даже вы, знающий тайну, не заметите, что в постели своего брата лежит бастильский узник.

– Но король?.. – пролепетал Фуке, охваченный ужасом при этом известии.

– Какой король? – сказал Арамис самым сладким своим голосом. – Тот, который ненавидит, или тот, который любит вас?

– Король... вчерашний?..

– Вчерашний король? Успокойтесь, он занял место в Бастилии, которое слишком долго занимал его брат.

– Боже правый! Кто же увез его туда?

– Я.

– Вы?

– Да, и очень просто. Я похитил его сегодня ночью, и пока он спускался во мрак – другой поднимался к свету. Я не думаю, чтобы это произвело какой-нибудь шум. Молния без грома никогда никого не будит.

Фуке глухо вскрикнул, будто пораженный невидимым ударом, и, судорожно сжав голову руками, прошептал:

– И вы это сделали?
– Довольно ловко. Что вы об этом думаете?
– Вы свергли короля? Вы заключили его в темницу?
– Да, это сделано.
– И это совершилось здесь, в Во?
– Здесь, в Во, в покоях Морфея. Не казались ли они построенными в предвидении такого дела?

– И это произошло?..

– Нынешней ночью.

– Нынешней ночью?

– Между двенадцатью и часом.

Фуке чуть не бросился на Арамиса, но удержался и сказал сдавленным голосом:

– В Во! В моем доме!

– Мне кажется, что у вас. Теперь этот дом ваш, как никогда прежде. Теперь господин Кольбер не может заставить украсть его у вас.

– Значит, у меня совершилось это преступление?

– Преступление? – проговорил пораженный Арамис.

– Да, это ужасное преступление! – продолжал Фуке, возбуждаясь все больше и больше. – Преступление худшее, чем убийство! Преступление, навеки лишаящее меня чести и отдающее на поругание потомству!

– Вы в бреду, сударь, – сказал неуверенным голосом Арамис, – вы слишком громко говорите, будьте осторожнее.

– Я буду так громко кричать, что меня услышит весь мир.

– Господин Фуке, берегитесь!

Фуке повернулся к прелату и посмотрел ему в глаза.

– Да, – сказал он, – вы меня обесчестили, совершив это предательство по отношению к моему гостю, к тому, кто спокойно спал под моим кровом. О, горе мне!

– Горе тому, кто под вашим кровом готовил вашу гибель. Вы забыли это?

– Он был моим гостем и моим королем!

Арамис встал с перекошенным ртом и налившимися кровью глазами:

– Я говорю с безумцем!

– Вы говорите с честным человеком.

– Сумасшедший!

– С человеком, который помешает вам довести до конца ваше преступление. С человеком, который предпочтет умереть или убить вас, чем дать обесчестить себя до конца.

И Фуке, схватив свою шпагу, которую д'Артаньян положил у изголовья кровати, решительно обнажил блестящий клинок.

Арамис нахмурил брови и сунул руку за пазуху, как будто ища оружия. Это движение не ускользнуло от Фуке. Тогда, благородный и величественный, он отбросил далеко от себя шпагу, которая откатилась к кровати, и, приблизившись к Арамису, тронул его за плечо своей безоружной рукой.

– Сударь, – сказал он, – я готов умереть здесь, чтобы не пережить моего позора, и если у вас есть еще какое-нибудь дружеское чувство ко мне, убейте меня.

Арамис безмолвствовал и не двигался.

– Вы молчите?

Арамис поднял голову, и надежда снова блеснула в его глазах.

– Подумайте, монсеньер, – сказал он, – обо всем, что вас ожидает. Восстановлена справедливость, король еще жив, и его заключение спасает вам жизнь.

– Да, – отвечал Фуке, – вы могли бы действовать в моих интересах, но я не принимаю вашей услуги. Все же я не желаю вас губить. Вы просто выйдете из этого дома.

Арамис подавил крик, рвавшийся из его сердца.

– Я гостеприимен для всех, – продолжал Фуке с невыразимым величием, – вы также не будете принесены в жертву, как не будет принесен в жертву тот, чью гибель вы замыслили.

– Вы, вы будете принесены в жертву, вы! – произнес Арамис глухим голосом.

– Я принимаю ваше предсказание, господин д’Эрбле, но ничто меня не удержит. Вы покинете Во, вы покинете Францию; я даю вам четыре часа, чтобы вы могли спрятаться где-нибудь в надежном месте.

– Четыре часа? – сказал насмешливо Арамис.

– Честное слово Фуке! Никто не станет преследовать вас до этого времени. Вы на четыре часа опередите всех, кого король захочет послать в погоню за вами.

– На четыре часа! – повторил Арамис.

– Вы вполне успеете добраться на лодке до Бель-Иля, который я предлагаю вам в виде убежища.

– Вот как... – прошептал Арамис.

– Бель-Иль для вас – так же, как Во для короля. Уходите, д’Эрбле, уходите; клянусь, пока я жив, ни один волос не упадет с вашей головы.

– Благодарю вас, – сказал с мрачной иронией Арамис.

– Прошу вас, уезжайте и дайте мне руку на прощание, прежде чем мы побежим спасать: вы – свою жизнь, а я – свою честь.

Арамис вынул руку из-за пазухи. Она была окровавлена; он ногтями разодрал себе грудь, как бы желая наказать ее за то, что в ней родилось столько мечтаний, более пустых, безумных и быстротечных, чем человеческая жизнь. Фуке почувствовал ужас и жалость; он подошел к Арамису с раскрытыми объятиями.

– У меня нет с собой оружия, – прошептал Арамис, суровый и неприступный, как тень Дидоны.

Потом, не коснувшись протянутой руки Фуке, он отвернулся и отошел на два шага. Его последним словом было проклятие, его последним жестом была анафема, которую он начертил окровавленной рукой, запятнав несколькими каплями своей крови лицо Фуке.

И оба бросились из комнаты на потайную лестницу, которая выходила во внутренний двор.

Фуке велел закладывать своих самых лучших лошадей, а Арамис остановился у лестницы, которая вела в комнату Портоса. Он задумался, а в то время карета Фуке во весь опор выезжала из главного двора.

«Уезжать одному?.. – думал Арамис. – Предупредить принца?.. О проклятье! Предупредить принца и что же делать потом?.. Бежать с ним?.. Всюду за собой тащить это живое обвинение?.. Война?.. Неумолимая гражданская война?.. Без сил, увы!.. Невозможно! Что он будет делать без меня?.. О, без меня он обрушится, как и я... Кто знает?.. Пусть свершается судьба. Он был обречен, так пусть остается обреченным... Погиб! Я погиб! Что делать? Ехать в Бель-Иль? Да! А Портос останется здесь и будет говорить и всем все расскажет! Портос, быть может, пострадает!.. Я не хочу, чтобы Портос страдал. Он – часть меня; его боль – моя боль. Портос уедет со мной и разделит мою судьбу. Так надо.

И Арамис, боясь встретить кого-нибудь, поднялся по лестнице, никем не замеченный.

Портос, только что вернувшийся из Парижа, уже спал сном праведника. Его громадное тело забывало усталость так же, как его ум забывал мысль.

Арамис вошел, легкий как тень, и положил свою нервную руку на плечо великану.

– Проснитесь, Портос, проснитесь! – крикнул он.

Портос повиновался, встал, открыл глаза, но разум его еще спал.

– Мы уезжаем, – сказал Арамис.

– А! – произнес Портос.

– Мы поедем верхом и поскачем так быстро, как никогда в жизни не скакали.

– А! – повторил Портос.

– Одевайтесь скорее, друг мой.

Он помог великану одеться и положил ему в карманы его золото и бриллианты. И в то время, как он этим занимался, его внимание привлёк легкий шум.

В дверях стоял д'Артаньян.

Арамис вздрогнул.

– Какого черта вы тут так суетитесь? – спросил мушкетер.

– Шш! – прошептал Портос.

– Мы едем по важному поручению, – добавил епископ.

– Везет же вам! – сказал мушкетер.

– Нет, я устал, – сказал Портос, – я предпочел бы поспать; но ничего не поделаешь, королевская служба!

– Вы видели господина Фуке? – спросил Арамис д'Артаньяна.

– Да, в карете, только что.

– Что он вам сказал?

– Он простился со мной.

– И все?

– Что же он должен был сказать мне еще? Разве я что-нибудь стою теперь, когда вы все в милости?

– Слушайте, – сказал Арамис, обнимая мушкетера, – для вас вернулись хорошие времена; вам не придется больше никому завидовать.

– Да что вы!

– Я предсказываю, что сегодня произойдет событие, которое вдвое улучшит ваше положение.

– Правда?

– Вам известно, что я знаю новости?

– О да!

– Вы готовы, Портос? Едем!

– Едем!

– И поцелуем д'Артаньяна.

– Еще бы!

– Лошади готовы?

– Здесь их достаточно. Хотите мою?

– Нет, у Портоса здесь конюшня. Прощайте, прощайте!

Беглецы сели на лошадей на глазах у капитана мушкетеров, который помог Портосу сесть на коня и проводил взглядом своих друзей, пока они не скрылись из виду.

«Во всяком другом случае, – подумал гасконец, – я сказал бы, что эти люди бегут; но нынче политическая жизнь так изменилась, что это называется – ехать по важному поручению. Мне все равно. Пойду по своим делам».

И он философски вернулся к себе в комнату.

III

Как соблюдаются приказы в Бастилии

Фуке летел как молния. По дороге он возвращался мыслями к тому, что он только что узнал, и ужас охватывал его.

«Какими же были, – думал он, – эти необыкновенные люди в молодости, раз они даже теперь, будучи стариками, умеют создавать подобные планы и выполнять их не моргнув глазом?»

Ему казалось, что все рассказанное Арамисом – сон, басня, ловушка, и, приехав в Бастилию, он застанет приказ об аресте, по которому его, Фуке, запрут вместе со свергнутым королем. Подумав об этом, он по дороге дал несколько запечатанных распоряжений в то время, как меняли лошадей. Эти распоряжения были адресованы господину д'Артаньяну и всем начальникам частей, верность которых была вне подозрений.

«Таким образом, – решил Фуке, – буду ли я заключен или нет, я окажу услугу, которую требует от меня моя честь. Распоряжения придут после меня, если я вернусь свободным, и, значит, их не распечатают и я возьму их назад. Если я опоздаю, это будет значить, что случилось несчастье. Тогда я могу ждать помощи и для себя и для короля».

Приготовившись таким образом, он подъехал к Бастилии. За один час суперинтендант проехал пять с половиной лье.

И тут с господином Фуке случилось то, что никогда не случалось в Бастилии с Арамисом. Напрасно он называл себя, напрасно старался заставить себя узнать – его отказывались пропускать в крепость.

Наконец, после бесконечных просьб, угроз и приказаний, он убедил одного часового сообщить о нем младшему офицеру, чтобы тот, в свою очередь, доложил о нем майору. Что же касается коменданта, то его так и не решились даже потревожить ради этого.

Фуке ожидал в карете возвращения младшего офицера, весь дрожа от нетерпения. Наконец тот появился с сердитым выражением лица.

– Ну, – сказал нетерпеливо Фуке, – что сказал майор?

– Сударь, он засмеялся мне в глаза и сказал, что господин Фуке в Во, а даже если бы господин Фуке был в Париже, он не встал бы в такой час.

– Черт возьми! Вы – стадо болванов! – вскричал министр и бросился из кареты.

Прежде чем младший офицер успел закрыть дверь, Фуке проскользнул во двор и побежал вперед, несмотря на крики офицера, звавшего на помощь.

Фуке бежал все дальше. Офицер, настигая его, крикнул часовому, охраняющему вторую дверь:

– Хватайте, хватайте, часовой!

Часовой направил на министра пику, но Фуке, сильный и ловкий, вдобавок разгневанный, выхватил пику из рук солдата и ударил его по плечу. Младший офицер, подошедший слишком близко, тоже получил свою порцию; оба стали неистово кричать, и на их крики тут же выскочил весь первый взвод охраны.

И между этими людьми нашелся один, знавший суперинтенданта. Он закричал:

– Монсеньер!.. Ах, монсеньер!.. Остановитесь же, что вы делаете?

И он остановил солдат, которые собирались отомстить за своих товарищей.

Фуке приказал, чтобы ему открыли решетку, но ему ответили, что приказано никому не открывать. Тогда он велел позвать коменданта, но тот уже знал об этом шуме у ворот и бежал со своим майором на помощь во главе двадцати человек, убежденный, что на Бастилию было произведено нападение.

Безмо узнал Фуке и выронил обнаженную шпагу, которой он размахивал.

– Ах, монсеньер! – пробормотал он. – Тысячу извинений...

– Сударь, – сказал весь красный и потный суперинтендант, – поздравляю вас, ваша охрана служит на славу.

Безмо побледнел, подумав, что эти слова – ирония, предвещавшая дикий гнев.

Но Фуке отдышался и жестом подозвал часового и младшего офицера, потиравших плечи.

– Двадцать пистолей часовому, – сказал он, – пятьдесят офицеру. Поздравляю вас, господа; я замолвлю за вас слово королю. Теперь давайте поговорим с вами, господин де Безмо.

И под одобрителный шепот он последовал за комендантом Бастилии.

Безмо уже дрожал от стыда и беспокойства. Казалось, последствия утреннего визита Арамиса начинали сказываться, да такие последствия, которым он по праву мог ужаснуться.

Стало еще хуже, когда Фуке, настойчиво глядя на коменданта, резко спросил:

– Сударь, вы видели сегодня утром господина д'Эрбле?

– Да, монсеньер.

– И вам не внушает ужаса преступление, в котором вы участвовали?

«Ну, начинается!» – подумал Безмо.

Потом громко произнес:

– Какое преступление, монсеньер?

– За которое вас можно было бы четвертовать, сударь, подумайте об этом! Сейчас же ведите меня к узнику.

– К какому узнику? – спросил дрожащий Безмо.

– Вы притворяетесь ничего не знающим? Что же, это лучшее, что вам остается делать. Если бы вы признались в подобном соучастии, вам был бы конец. Я сделаю вид, что верю в ваше неведение.

– Прошу вас, монсеньер...

– Хорошо, ведите же меня к узнику.

– К Марчиали?

– Кто такой Марчиали?

– Это арестант, которого привез сегодня утром господин д'Эрбле.

– Его зовут Марчиали? – сказал суперинтендант, смущенный наивной уверенностью Безмо.

– Да, монсеньер, он здесь записан под этим именем.

Фуке взглянул в самую глубину души Безмо. В ней он прочел, со свойственной могущественным людям пронзительностью, полную искренность. Впрочем, поглядев одну минуту на эту физиономию, как можно было подумать, что Арамис взял подобного человека в доверенные?

– Это, – сказал он коменданту, – тот самый узник, которого господин д'Эрбле увез третьего дня?

– Да, монсеньер.

– И которого он привез обратно сегодня утром? – живо добавил Фуке, тотчас понявший сущность плана епископа.

– Да, да, монсеньер. Если монсеньер приехал сюда, чтобы взять его у меня, я буду очень рад, так как я уже собирался писать по поводу этого Марчиали.

– Что же он делает?

– С утра он меня чрезвычайно изводит; у него такие припадочки бешенства, что, кажется, Бастилия от них обрушится.

– Я действительно избавлю вас от него, – сказал Фуке.

– Ах, тем лучше!

- Ведите меня в его темницу.
- Но вы дадите мне приказ?
- Какой приказ?
- Приказ короля.
- Подождите, я вам подпишу его.
- Этого мне недостаточно, монсеньер; мне нужен приказ короля.
- Фуке свирепо посмотрел на коменданта.
- Вы так щепетильно относитесь к выходу заключенных, но покажите-ка мне приказ, на основании которого вы уже отпускали этого человека!
- Безмо показал приказ об освобождении Сельдона.
- Сельдон не Марчиали, – сказал Фуке.
- Но Марчиали не освобожден, монсеньер, он здесь.
- Вы же говорите, что господин д’Эрбле увозил его и привез обратно?
- Я этого не говорил.
- Вы так определенно это сказали, что я будто сейчас это слышу. Господин де Безмо, берегитесь!
- Мне нечего браться, монсеньер, у меня вся отчетность в порядке.
- Как вы посмели это говорить?
- Я бы это сказал и перед Богом. Господин д’Эрбле привез мне приказ об освобождении Сельдона, и Сельдон освобожден.
- Я вам говорю, что Марчиали вышел из Бастилии.
- Но это надо доказать, монсеньер.
- Дайте мне увидеть его.
- Монсеньер, те, кто управляет королевством, знают, что доступ к заключенным без приказа короля запрещен. Это нарушение.
- Господин д’Эрбле ведь входил к заключенному!
- Это еще требуется доказать, монсеньер.
- Еще раз, господин де Безмо, будьте осторожны в словах.
- За меня мои дела.
- Господин д’Эрбле уничтожен.
- Уничтожен господин д’Эрбле? Невозможно!
- Вы видите, что он подчинил вас своему влиянию.
- Я подчиняюсь, монсеньер, только правилам королевской службы; я лишь исполняю свой долг. Дайте мне приказ короля, и вы войдете.
- Послушайте, господин комендант, я даю вам честное слово, что, если вы впустите меня к узнику, я в ту же минуту дам вам приказ короля.
- Дайте мне его сейчас, монсеньер.
- А если вы мне откажете, я тотчас же велю арестовать вас со всеми вашими офицерами.
- Прежде чем совершить это насилие, монсеньер, примите во внимание то, – сказал побледневший Безмо, – что мы подчинимся только приказу короля, и вам все равно, достать ли приказ короля, чтобы увидеть господина Марчиали, или для того, чтобы причинить столько зла мне, невинному. Обратите ваше милостивое внимание на то, как вы пугаете меня, монсеньер: я дрожу, я сейчас упаду в обморок.
- Вы еще больше задрожите через некоторое время, господин Безмо, когда я вернусь сюда с десятью тысячами солдат и тридцатью пушками.
- Боже мой, теперь монсеньер сходит с ума!
- Когда я соберу против вас и ваших проклятых бойниц весь парижский народ, взломаю ваши ворота и велю повесить вас на зубцах угловой башни.
- Монсеньер, монсеньер, ради бога!

– Я даю вам десять минут на размышление, – сказал Фуке спокойным голосом. – Сейчас я сажусь в это кресло и жду. Если через десять минут вы будете продолжать упорствовать, я выйду. Можете меня считать сумасшедшим сколько угодно, но вы увидите!

Безмо топнул ногой в отчаянии, но ничего не ответил.

Видя это, Фуке схватил перо, бумагу и написал:

«Приказ господину купеческому старшине собрать ополчение горожан и идти на Бастилию, чтобы послужить королю».

Безмо пожал плечами; Фуке написал:

«Приказ герцогу Бульонскому и принцу Конде стать во главе швейцарцев и гвардии и идти на Бастилию, чтобы послужить его величеству...»

Безмо стал размышлять. Фуке написал:

«Приказ всем солдатам, горожанам и дворянам схватить и задержать, где бы они ни находились, господина шевалье д'Эрбле, ванского епископа, и его сообщников, к которым принадлежит, во-первых, господин де Безмо, комендант Бастилии, подозреваемый в измене, мятеже и оскорблении величества...»

– Остановитесь, монсеньер! – воскликнул Безмо. – Я ничего в этом не понимаю; но в ближайшие два часа может случиться столько бед, что король, который будет меня судить, увидит, был ли я не прав, нарушая установленный порядок перед угрозой неизбежной катастрофы. Пойдемте в башню, монсеньер, вы увидите Марчиали.

Фуке бросился вон из комнаты, и Безмо последовал за ним, вытирая холодный пот, струившийся с лба.

– Какое ужасное утро! – говорил он. – Какая напасть!

– Идите скорей! – отвечал Фуке.

Безмо сделал знак тюремщику, чтобы он шел вперед. Он явно боялся своего спутника. Фуке это заметил и сурово сказал:

– Довольно ребячиться! Оставьте этого человека; возьмите ключи и показывайте мне дорогу. Надо, чтобы никто, понимаете вы, никто не услышал того, что здесь произойдет.

– Ах, – нерешительно произнес Безмо.

– Опять! Скажете еще раз нет, и я уйду из Бастилии и сам отнесу свои приказы.

Безмо опустил голову, взял ключи и один поднялся с министром на башню.

По мере того как они поднимались по головокружительной спирали лестницы, заглушенные стоны становились явственными криками и ужасными проклятиями.

– Что это? – спросил Фуке.

– Это ваш Марчиали, вот как вопят сумасшедшие!

Фуке вздрогнул. В крике более страшном, чем другие, он узнал голос короля.

Он остановился и взял связку ключей из рук Безмо. Последний подумал, что новый безумец проломит ему череп одним из ключей.

– Ах! – крикнул он. – Господин д'Эрбле мне об этом не говорил!

– Ключ! – закричал Фуке. – Где ключ от двери, которую я хочу отомкнуть?

– Вот он.

Ужасный крик, сопровождаемый бешеным ударом в дверь, пронесся эхом по всей лестнице.

– Уходите! – угрожающе сказал Фуке.

– Ничего не имею против, – пробормотал Безмо. – Но если двое бешеных останутся наедине, то один пожрет другого, я в этом уверен.

– Уходите! – повторил Фуке. – Если вы только вступите на эту лестницу раньше, чем я позову вас, помните, что вы займете место самого последнего из узников Бастилии.

– Я погибну! – проворчал Безмо, удаляясь шатающейся походкой.

Крики узника раздавались все громче. Фуке убедился, что Безмо дошел до последних ступенек, и тогда он открыл первый замок.

Тут он явственно услышал охрипший голос короля, который с яростью кричал:

– На помощь! Я король! На помощь!

Ключ от первой двери не подходил ко второй.

Фуке пришлось перебрать всю связку.

В это время король, не помня себя, безумный, закричал диким голосом:

– Фуке меня посадил сюда! На помощь против Фуке! Я король! На помощь королю против Фуке!

Этот крик разрывал сердце министра. Крик сопровождался ужасными ударами в дверь стулом, который служил королю тараном. Фуке, наконец, нашел ключ. Король был уже без сил, он не способен был больше произносить членораздельные звуки, он рычал:

– Смерть Фуке! Смерть негодяю Фуке!

Дверь открылась.

IV

Королевская благодарность

Два человека, бросившиеся друг к другу, внезапно остановились и в ужасе вскрикнули.

– Вы пришли убить меня, сударь? – сказал король, узнав Фуке.

– Король в таком виде! – прошептал министр.

Вид молодого короля в тот момент, когда его застал Фуке, был ужасен. Его одежда была в лохмотьях; его открытая и разорванная рубаша была пропитана потом и кровью, сочившейся из его разодранной груди и рук.

Растерянный, бледный, с пеной у рта, с растрепанными волосами, Людовик XIV был похож на статую отчаяния, голода, страха. Фуке был так потрясен, так взволнован жалостью, что подбежал к королю с протянутыми руками и со слезами на глазах.

Людовик поднял на Фуке обломок стула, которым он только что так яростно орудовал.

– Вы не узнаете вернейшего из ваших друзей? – спросил Фуке дрожащим голосом.

– Друг? Вы? – повторил Людовик, скрежеща зубами. В этом скрежете слышалась ненависть и жажда скорой мести.

– Почтительного вашего слугу... – добавил Фуке, бросаясь на колени.

Король уронил свое оружие. Фуке склонился к его коленям и поцеловал их.

– Мой король, дитя мое! Как вы должны были страдать!

Людовик опомнился от такой перемены положения, взглянув на себя и устыдившись своей растерянностью, своего безумия и оказываемого ему покровительства, отступил.

Фуке не понял этого движения. Он не почувствовал, что высокомерие короля никогда не простит ему того, что он стал свидетелем такой слабости.

– Поедьте, ваше величество, вы свободны, – сказал он.

– Свободен? – повторил король. – О, вы возвращаете мне свободу после того, как посмели поднять на меня руку!

– Вы ведь не верите в это! – воскликнул возмущенный Фуке. – Вы сами не верите, что я в этом виновен.

Быстро и горячо он рассказал всю уже хорошо знакомую читателям интригу.

Пока длился рассказ, Людовик переживал ужаснейшие страдания, и гибель, которая ему грозила, поразила его еще больше, чем тайна, относящаяся к его брату-близнецу.

– Сударь, – сказал он вдруг Фуке, – это рождение близнецов – ложь; невозможно, чтобы вы дали себя так обмануть.

– Ваше величество!

– Невозможно подозревать честь и добродетель моей матери. И мой первый министр еще не покарал преступников?

– Подумайте, ваше величество, прежде чем гневаться. Рождение вашего брата...

– У меня один младший брат, вы это знаете так же, как я. Здесь заговор, я уверен, в котором участвуют все, начиная с коменданта Бастилии.

– Будьте осторожны, ваше величество. Этот человек был обманут, как и все, сходством с вами принца.

– Какое сходство? О чем вы?

– Видимо, этот Марчиали очень похож на ваше величество, раз все были введены в заблуждение.

– Безумие!

– О нет, ваше величество; люди, которые готовы встретиться лицом к лицу с вашими министрами, с вашей матерью, с вашими офицерами и вашим семейством, должны быть очень уверены в этом сходстве.

– Да, – прошептал король. – Где эти люди?

– В Во.

– В Во? И вы терпите, чтобы они там оставались?

– Мне кажется, что прежде всего нужно было освободить короля. Я исполнил этот долг.

Теперь я буду делать то, что прикажет ваше величество. Я жду.

Людовик задумался на мгновение.

– Собрать войска в Париже, – сказал он.

– Приказ уже отдан.

– Вы отдали приказ? – воскликнул король.

– Да, ваше величество. Через час ваше величество будет во главе десяти тысяч человек.

Тут король схватил руку Фуке с таким жаром, что сразу стало видно, какое он сохранял до сих пор недоверие к своему министру, несмотря на все его действия.

– С помощью этих войск, – продолжал король, – мы осадим в вашем доме мятежников, которые, наверное, уже там окопались.

– Это бы меня удивило, – ответил Фуке.

– Почему?

– Их глава, душа этого предприятия, мною разоблачен, и я думаю, что поэтому весь план рухнул.

– Вы разоблачили самозваного принца?

– Нет, я его не видел.

– Тогда кого же?

– Главу всей этой затеи, а не этого несчастного. Он лишь орудие, обреченное на вечное несчастье, я это вижу.

– Согласен.

– Виновник всего аббат д'Эрбле, ванский епископ.

– Ваш друг?

– Он был моим другом, ваше величество, – ответил благородно Фуке.

– Мне очень жаль, что это так было, – сказал король менее великодушно.

– В такой дружбе не было ничего позорящего, ведь я не знал о преступлении.

– Надо было его предвидеть.

– Если я виновен, я отдаю себя в руки вашего величества.

– Ах, господин Фуке, я совсем не об этом, – продолжал король, недовольный тем, что показал свою злобу. – Но я говорю вам, что, несмотря на то, что этот негодяй был в маске, у меня шевельнулось смутное подозрение, что это он. Но с этим главою предприятия был еще один помощник, грозивший мне своей геркулесовой силой. Кто он?

– Это, должно быть, его друг, барон дю Валлон, бывший мушкетер.

– Друг д'Артаньяна? Друг графа де Ла Фера? А! – вскрикнул король, произнеся последнее имя. – Обратим внимание на связь заговорщиков с господином де Бражелоном.

– Ваше величество, не заходите слишком далеко. Граф де Ла Фер – честнейший человек во Франции. Довольствуйтесь теми, кого я вам назвал.

– Теми, кого вы назвали? Хорошо! Ведь вы выдаете мне виновных, не правда ли?

– Как ваше величество это понимает?

– Я понимаю это так, что мы придем с войсками в Во, что мы захватим все это змеиное гнездо и что никто из него не спасется, никто!

– Ваше величество приказывает убить этих людей?

– До единого!

– О, ваше величество!

– Не поймите меня превратно, господин Фуке, – сказал король. – Теперь уже не те времена, когда убийство было единственным, последним правом короля. Нет, слава богу! У меня есть парламенты, которые судят моим именем, и эшафоты, на которых исполняются мои верховные повеления!

Фуке побледнел.

– Осмелюсь заметить вашему величеству, что всякий процесс, связанный с этим делом, есть смертельный удар для достоинства трона. Нельзя, чтобы августейшее имя Анны Австрийской произносилось бы народом с усмешкой.

– Надо, чтобы совершилось правосудие, сударь.

– Хорошо, ваше величество. Но королевская кровь не должна проливаться на эшафоте.

– Королевская кровь! Вы верите в это? – воскликнул с яростью король и топнул ногой. – Рождение близнецов – выдумка. Именно в этом, в этой выдумке, я вижу преступление господина д'Эрбле. Я хочу наказать их за это преступление больше, чем за насилие и оскорбление.

– Наказать смертью?

– Да, сударь.

– Ваше величество, – твердо произнес суперинтендант, гордо подняв до того опущенную голову, – ваше величество велит, если ему будет угодно, отрубить голову французскому принцу Филиппу, своему брату. Это касается вашего величества, и вы посоветуетесь об этом с Анной Австрийской, вашей матерью. И все, что ваше величество прикажет, будет хорошо. Я не хочу больше вмешиваться в это даже ради чести вашей короны. Но я должен просить вас об одной милости, и я прошу о ней.

– Говорите, – сказал король, смущенный последними словами министра. – Что вам нужно?

– Помилования господина д'Эрбле и господина дю Валлона.

– Моих убийц?

– Только мятежников, ваше величество.

– О, я понимаю, что вы просите помилования для друзей.

– Моих друзей! – подчеркнул глубоко оскорбленный Фуке.

– Да, ваших друзей, но безопасность моего государства требует примерного наказания виновных.

– Я не хочу обращать внимания вашего величества на то, что я только что вернул вам свободу и спас жизнь.

– Сударь!

– Я не хочу обращать вашего внимания на то, что если бы господин д'Эрбле захотел стать убийцей, то он мог просто убить ваше величество сегодня утром в Сенарском лесу, и все было бы кончено.

Король вздрогнул.

– Выстрел в голову, – продолжал Фуке, – и лицо Людовика Четырнадцатого, ставшее неузнаваемым, принесло бы вечное прощение господину д'Эрбле.

Король побледнел от ужаса, представив себе опасность, которой он избежал.

– Если бы господин д'Эрбле, – продолжал Фуке, – был убийцей, он не стал бы мне рассказывать свой план, чтобы преуспеть. Избавившись от настоящего короля, он делал невозможным разоблачение поддельного короля. Если бы узурпатор был узнан даже Анной Австрийской, он все равно остался бы для нее сыном. А для совести господина д'Эрбле узурпатор был бы королем, сыном Людовика Тринадцатого. К тому же заговорщик получил бы безопасность, тайну, безнаказанность. Один выстрел давал ему все это. Подарите ему прощение, ваше величество, во имя вашего спасения!

Но король ничуть не растрогался великодушием Арамиса, напротив, почувствовал себя глубоко униженным. Его неукротимая гордость не могла смириться с мыслью, что какой-то человек держал в своих руках нить королевской жизни. Каждое слово Фуке вливало новую каплю яда в уже изъязвленное сердце Людовика XIV. Поэтому ничто не могло умиловить его, и он резко сказал Фуке:

– Я, право, не понимаю, сударь, почему вы просите у меня помилования этих людей. Зачем просить то, что можешь получить без просьб?

– Я вас не понимаю, ваше величество.

– Это очень просто. Где я?

– В Бастилии.

– Да, в темнице. Меня считают сумасшедшим, не так ли?

– Да, ваше величество.

– И все здесь знают лишь Марчиали?

– Да, только Марчиали.

– В таком случае, оставьте все как есть. Предоставьте сумасшедшему гнить в темнице, и господам д'Эрбле и дю Валлону не понадобится мое прощение. Их новый король простит им.

– Напрасно вы оскорбляете меня, ваше величество, – сухо ответил Фуке. – Если бы я хотел возвести на трон нового короля, как вы считаете, мне бы не нужно было врываться силой в Бастилию, чтобы извлечь вас отсюда. Это не имело бы никакого смысла. У вашего величества ум помутился от гнева. Иначе вы не стали бы оскорблять вашего слугу, оказавшего вам столь значительную услугу.

Людовик понял, что зашел слишком далеко и что ворота Бастилии еще не открылись перед ним, в то время как понемногу открывались шлюзы, которыми великодушный Фуке сдерживал свой гнев.

– Я это сказал не для того, чтобы вас оскорбить, сударь, – сказал он. – Вы обращаетесь ко мне с просьбой о помиловании, и я отвечаю вам по совести; хотя, я полагаю, виновные, о которых мы говорим, не заслуживают ни помилования, ни прощения.

Фуке ничего не ответил.

– То, что я делаю, – добавил король, – так же великодушно, как то, что вы сделали, и даже великодушнее, потому что я в вашей власти, и вы мне ставите условия, от которых может зависеть моя свобода и моя жизнь. И отказать – значит пожертвовать ими.

– Я действительно не прав, – отвечал Фуке. – Да, я был похож на человека, вымогающего милость; я в этом раскаиваюсь и прошу прощения у вашего величества.

– Вы прощены, дорогой господин Фуке, – сказал король с улыбкой, которая осветила его лицо, измученное столькими переживаниями.

– Я получил прощение, – продолжал упрямо министр, – а господа д'Эрбле и дю Валлон?

– Они никогда его не получают, пока я буду жив, – отвечал неумолимый король. – Будьте добры, никогда больше об этом мне не говорить.

– Я повинуюсь вашему величеству.

– И вы не сохраните против меня досады?

– О нет, ваше величество, так как я это предвидел и принял кое-какие меры.

– Что вы хотите этим сказать?

– Господин д'Эрбле вверил себя в мои руки, господин д'Эрбле дал мне счастье спасти моего короля и мою родину. Я не мог осудить господина д'Эрбле на смерть. Я также не мог подвергнуть его законнейшему гневу вашего величества. Это было бы все равно, что самому убить его.

– Что же вы сделали?

– Я предоставил господину д'Эрбле своих лучших лошадей, и они опередили на четыре часа всех тех, которых ваше величество сможет послать за ними в погоню.

– Пусть так! – пробормотал король. – Свет достаточно велик, чтобы мои слуги успели наверстать те четыре часа, которые вы подарили господину д’Эрбле.

– Даря ему эти четыре часа, я знал, что дарю ему жизнь. И он сохранит ее.

– Как так?

– После хорошей езды, опережая на четыре часа ваших мушкетеров, он достигнет моего замка Бель-Иль, который я ему предоставил как убежище.

– Вы забыли, что подарили мне Бель-Иль.

– Не для того, чтоб там арестовывать моих гостей.

– Значит, вы его отнимаете у меня?

– Для этого – да, ваше величество.

– Мои мушкетеры займут его, вот и все.

– Ни ваши мушкетеры, ни даже ваша армия, ваше величество, – холодно сказал Фуке. – Бель-Иль неприступен.

Король позеленел, и в его глазах сверкнула молния. Фуке почувствовал, что он погиб, но он был не из тех людей, которые отступают, когда их зовет голос чести. Он выдержал злобный взгляд короля. Людовик подавил свое бешенство и после некоторого молчания сказал:

– Мы едем в Во?

– Я жду приказаний вашего величества, – ответил Фуке, низко кланяясь, – но мне кажется, что вашему величеству необходимо переменить одежду, прежде чем предстать перед вашим двором.

– Мы заедем в Лувр. Идем.

И они прошли мимо растерянного Безмо, который увидел еще раз, как выходил Марчиали. Комендант в ужасе рвал на себе последние волосы.

Правда, Фуке дал ему расписку, на которой король написал: *«Видел и одобряю. Людовик»*.

Безмо, не способный больше связать и двух мыслей, в ответ на это ударил изо всей силы кулаком по собственной голове.

V

Самозванный король

Самозванный король продолжал играть свою роль в замке Во.

Филипп приказал, чтобы начинали утренний прием посетителей, так называемый малый прием. Он решился дать такое приказание, несмотря на отсутствие господина д'Эрбле, который все не возвращался, и наши читатели знают, по какой причине. Но принц, думая, что это отсутствие долго не продлится, захотел, как все честолюбивые люди, испробовать свои силы и свое счастье без всякого покровительства и всякого совета.

Еще одно соображение заставило его так поступить. Среди посетителей должна была быть его мать, Анна Австрийская, которая когда-то принесла его в жертву и была так виновата перед ним. Филипп не хотел делать свидетелем возможной своей слабости человека, перед кем отныне он должен был быть всегда в силе.

Открылась настежь дверь, и несколько человек тихо вошли. Филипп не двигался, пока его одевали лакеи. Он накануне наблюдал поведение своего брата. Он изображал короля, не возбуждая ни малейшего подозрения.

Одетый в охотничий костюм, он принял посетителей. Его память и записки Арамиса, составленные для него, помогли ему сразу же узнать Анну Австрийскую, которая шла под руку с принцем – братом короля, затем принцессу Генриетту с господином де Сент-Эньяном. Он улыбнулся, увидев все эти лица, и вздрогнул, узнав свою мать.

Лицо ее, измученное печалью, благородное и достойное, как бы убеждало принца не осуждать великую королеву, принесшую в жертву государству свое дитя. Он нашел свою мать прекрасной. Он знал, что Людовик XIV ее любил, он обещал себе тоже любить ее и не быть для ее старости жестоким возмездием. Он посмотрел на своего брата с нежностью, которую легко понять. Тот ничего не отнял у него, ничем не испортил его жизни. Он любезно поклонился де Сент-Эньяну, изгибавшемуся в поклонах и реверансах, и дрожа протянул свою руку невестке, Генриетте, красота которой поразила его. Но он увидел в глазах принцессы холодок, который ему понравился, так как облегчал будущие отношения с ней.

«Насколько мне будет удобнее, – подумал он, – быть братом этой женщины, чем возлюбленным».

Единственное, чего он опасался в этот момент, было посещение королевы Марии-Терезии, так как его сердце и ум, только что потрясенные сильным испытанием, могли не выдержать нового удара. К счастью, королева не пришла.

Анна Австрийская завела дипломатический разговор о приеме, оказанном господином Фуке французской королевской фамилии. Она перемешивала враждебные выпады с комплиментами королю, вопросами о его здоровье, материнской лестью и тонкими хитростями.

– Ну, мой сын, – сказала она, – вы изменили свое мнение о господине Фуке?

– Сент-Эньян, – сказал Филипп, – будьте добры узнать, как себя чувствует королева.

При этих словах, первых, которые произнес Филипп, тончайшая разница между его голосом и голосом Людовика XIV поразила материнский слух; Анна Австрийская пристально посмотрела на своего сына.

Де Сент-Эньян вышел. Филипп продолжал:

– Ваше величество, мне не нравится, когда мне говорят дурно о господине Фуке, вы это знаете и вы сами хорошо говорили мне о нем.

– Это верно; поэтому я только спросила о том, как вы теперь относитесь к нему.

– Ваше величество, – сказала Генриетта, – я всегда любила господина Фуке, он хороший человек и к тому же человек со вкусом.

– Суперинтендант, который никогда не торгуется, – добавил принц, – и всегда платит золотом по всем моим счетам.

– Здесь каждый слишком думает о себе, – сказала вдовствующая королева, – никто не считается с интересами государства. Господин Фуке, это неоспоримо, разоряет государство!

– Разве вы тоже, матушка, – сказал немного тише Филипп, – стали защитницей господина Кольбера?

– Как? – спросила удивленная королева.

– Я, право, нахожу, что вы говорите, как ваша старая приятельница, госпожа де Шеврез. При этом имени Анна Австрийская побледнела и поджала губы.

– Почему вы говорите мне о госпоже де Шеврез и что вы сегодня имеете против меня?

Филипп продолжал:

– Разве госпожа де Шеврез не затевает всегда коалиций против кого-нибудь? Разве госпожа де Шеврез не посетила вас недавно, матушка?

– Вы так говорите со мной, сударь, что мне кажется, будто я слышу вашего отца-короля.

– Мой отец не любил герцогиню де Шеврез и был прав. Я ее тоже не люблю, и если она еще решится, как прежде, явиться сеять рознь и ненависть под предлогом выпрашивания денег, тогда...

– Тогда? – гордо переспросила Анна Австрийская, как бы сама вызывая грозу.

– Тогда, – решительно отвечал молодой человек, – я изгоню из королевства госпожу де Шеврез и вместе с ней всех виновников тайн и секретов.

Он не рассчитал силу этих страшных слов, а может быть, ему хотелось проверить действие их.

Анна Австрийская едва не потеряла сознания; ее открытые, но тусклые глаза на мгновение перестали видеть; она протянула руки к своему младшему сыну, который тотчас обнял ее, не боясь рассердить короля.

– Ваше величество, – прошептала она, – как вы жестоки со своей матерью.

– Почему, ваше величество? – отвечал он. – Я говорю только о госпоже де Шеврез, а разве моя мать предпочтет госпожу де Шеврез спокойствию моего государства и моей безопасности? Я утверждаю, что герцогиня де Шеврез явилась во Францию, чтобы занять денег, и обратилась к господину Фуке, предлагая продать ему некую тайну.

– Тайну? – воскликнула Анна Австрийская.

– Касающуюся хищений, якобы совершенных господином суперинтендантом. Но это ложь, – добавил Филипп. – Господин Фуке с возмущением прогнал ее, предпочитая уважение короля всякому сообщничеству с интриганами. Тогда госпожа де Шеврез продала свою тайну господину Кольберу, но так как она ненасытна и ей мало тех ста тысяч эку, которые она выманила у этого приказчика, то надумала искать выше более глубокие источники... Верно ли это, ваше величество?

– Я вижу, вы все знаете, – сказала, скорее, взволнованно, чем сердито, королева.

– Поэтому, – продолжал Филипп, – я имею право не любить эту фурию, которая является к моему двору, чтобы обесчестить одних и разорить других. Если Бог потерпел, чтобы совершились некоторые преступления, и скрыл их в тени своего милосердия, я не допущу, чтобы госпожа де Шеврез имела власть нарушить божественные предначертания.

Эта последняя часть речи Филиппа так взволновала королевскую-мать, что сыну стало жаль ее. Он взял ее руку и нежно поцеловал; она не почувствовала, что в этом поцелуе сквозь сердечный бунт и обиду было прощение восьми лет ужасных страданий.

Филипп дал улечься волнениям, потом через несколько секунд весело сказал:

– Мы сегодня еще не уедем, у меня есть план.

Он повернулся к двери, надеясь увидеть Арамиса, так как его отсутствие начинало тяготить принца.

Королева-мать пожелала вернуться к себе.

– Останьтесь, матушка, – сказал Филипп, – я хочу вас помирить с господином Фуке.

– Но я не вражду с господином Фуке, я только боялась его расточительности.

– Мы приведем все это в порядок и дадим суперинтенданту проявлять только его хорошие свойства.

– Кого ищет ваше величество? – спросила Генриетта, заметив, что король смотрит на дверь. Она желала уколоть его, так как предполагала, что он ждет Лавальер или письма от нее.

– Сестра моя, – сказал молодой человек, угадавший с чудесной проницательностью ее тайное намерение, – я жду одного замечательного человека, искуснейшего советника, которого я всем хочу представить, поручая его вашим милостям. Ах, входите, д'Артаньян.

Д'Артаньян вошел.

– Что угодно вашему величеству?

– Скажите, где находится ванский епископ, ваш друг?

– Но, ваше величество...

– Я его жду, а он не появляется. Пусть мне его разыщут.

Д'Артаньян удивился; сообразив, что Арамис покинул Во тайно, по поручению короля, он решил, что король хочет сохранить секрет.

– Ваше величество непременно желает, чтобы вам привели господина д'Эрбле? – спросил он.

– Я не настаиваю, – сказал Филипп, – он мне не так нужен; но если б мне его все-таки нашли...

«Я угадал!» – подумал д'Артаньян.

– Этот господин д'Эрбле, – сказала Анна Австрийская, – ванский епископ – друг господина Фуке?

– Да, ваше величество, он бывший мушкетер.

Анна Австрийская покраснела.

– Один из четырех храбрецов, которые в свое время совершили столько чудес.

Королева-мать уже пожалела о том, что захотела укусить; чтобы сохранить последние зубы, она прекратила разговор.

– Каков бы ни был ваш выбор, сын мой, я уверена, что он будет превосходен.

Все склонились перед королем.

– Вы увидите, – продолжал Филипп, – глубину кардинала Ришелье без скупости кардинала Мазарини.

– Первого министра, ваше величество? – спросил испуганный принц, брат короля.

– Я вам расскажу это, мой брат. Но как странно, что господина д'Эрбле все нет.

Он позвал лакея и сказал:

– Пусть предупредят господина Фуке, мне надо с ним поговорить. О, в вашем присутствии, не уходите.

Господин де Сент-Эньян вернулся с добрыми вестями о королеве. Она осталась в постели только из предосторожности, чтобы иметь силы исполнять все повеления короля.

В то время как всюду искали господина Фуке и Арамиса, новый король спокойно продолжал преодолевать свои испытания, и все – семья, офицеры, лакеи – видели перед собой Людовика, и ни у кого это не вызывало сомнений.

С какой странной легкостью Провидение опрокинуло самую высокую судьбу в мире и на ее место поставило самую униженную!

Но порой Филипп чувствовал, как по сиянию его молодой славы пробегала тень. Арамис не появлялся.

Разговор между членами королевской фамилии как-то иссяк. Озабоченный Филипп забыл отпустить своего брата и принцессу Генриетту. Они удивлялись этому и мало-помалу

теряли терпение. Анна Австрийская наклонилась к своему сыну и сказала ему несколько слов по-испански. Филипп совершенно не знал этого языка. Он побледнел перед этим неожиданным препятствием. Но будто гений невозмутимого Арамиса одарил его своей находчивостью. Вместо того чтобы смутиться, Филипп встал.

– Ну что же! Почему вы молчите? – спросила королева.

– Что это за шум? – спросил Филипп и повернулся к потайной лестнице.

Послышался голос, кричавший:

– Сюда, сюда! Еще несколько ступенек, ваше величество!

– Голос господина Фуке! – сказал д'Артаньян, стоявший близ королевы-матери.

– Господин д'Эрбле, должно быть, недалеко, – добавил Филипп.

Но он увидел то, что совсем не ожидал увидеть так близко.

Все глаза обратились к двери, в которую должен был войти господин Фуке. Но вошел не он.

Страшный крик раздался сразу из всех углов комнаты, мучительный крик короля и всех присутствовавших. Никогда еще человеку, даже с удивительной и чудесной судьбой, полной необыкновенных приключений, не дано было видеть зрелище, подобное тому, которое в этот момент являла собой королевская спальня.

Через полузакрытые ставни проникал неяркий свет, смягченный большими бархатными портьерами на тяжелой шелковой подкладке.

Глаза присутствовавших мало-помалу привыкли к этому мягкому полумраку. Даже при таких обстоятельствах ни одна из окружающих подробностей не ускользает от внимания, и все вновь появляющееся кажется таким ярким, будто оно освещено солнцем.

Это случилось, когда, откинув портьеру потайной двери, появился бледный и нахмуренный Людовик XIV. За ним показалось строгое и печальное лицо Фуке.

Королева-мать, державшая за руку Филиппа, увидев Людовика, вскрикнула в ужасе, как будто она увидела призрак.

У принца, брата короля, закружилась голова, и он лишь молча переводил глаза с короля, которого он видел прямо перед собой, на короля, рядом с которым он стоял. Принцесса Генриетта сделала шаг вперед, думая, что она видит отражение своего девера в зеркале.

И действительно, это было так похоже на зеркальное отражение.

Оба короля, взволнованные и дрожащие (невозможно описать ужас, охвативший Филиппа), со сжатыми руками, злобно смотрели друг на друга, и глаза их были как кинжалы, вонзившиеся глубоко в душу. Молча, задышавшись, наклонившись вперед, они, казалось, готовились к яростной схватке.

Удивительное сходство двух лиц, движений, фигур, вплоть до сходства в костюме, так как волею случая Людовик XIV надел в Лувре лиловый бархатный костюм, – это полное подобие двух принцев окончательно перевернуло сердце Анны Австрийской. Однако она еще не угадала правды. Бывают такие несчастья в жизни, которые никто не хочет принять, предпочитая поверить в сверхъестественное, в невозможное.

Людовик не предвидел таких препятствий. Он думал, что стоит ему войти, и он будет узнан. Он ощущал себя живым солнцем и не мог допустить мысли о своем подобии. Он не представлял себе, чтобы факел не погас в тот момент, когда воссияет его всепобеждающий луч. Поэтому при виде Филиппа он, быть может, ужаснулся больше всех, и его молчание, его неподвижность были как бы предвестниками яростной вспышки гнева.

Но Фуке! Мог бы кто-нибудь описать его волнение, его оцепенение при виде живого портрета его властелина? Фуке подумал, что Арамис был прав: узурпатор был королем такой же чистой крови, как и другой, и надо было быть безумным энтузиастом, недостойным заниматься политическими делами, чтобы отказаться от участия в государственном перевороте, который с такой ловкостью произвел генерал ордена иезуитов.

Все произошедшее в душе Фуке осталось незамеченным присутствовавшими. Прошло пять минут – пять веков, и оба короля и члены их семейства немного перевели дух.

Д'Артаньян, прислонившись к стене напротив Фуке, вглядывался перед собой и недоумевал. Он не мог сказать сразу, почему он усомнился, но он знал, что прав в своих сомнениях и что эта встреча двух Людовиков XIV объясняет все то, что было так подозрительно ему последние дни в поведении Арамиса.

Вдруг Людовик XIV, более нетерпеливый и привыкший повелевать, бросился к ставням и торопливо открыл их, разрывая портьеры. Поток яркого света влился в комнату и заставил Филиппа отступить в тень. Людовик XIV заметил это движение и, обратившись к матери, сказал:

– Матушка, неужели вы не узнаете вашего сына лишь потому, что никто здесь не узнает своего короля?

Анна Австрийская вздрогнула и подняла руки к небу, не в силах произнести ни единого слова.

– Матушка, – тихо сказал Филипп, – вы не узнаете вашего сына?

На этот раз отступил Людовик.

А королева, пораженная в сердце раскаянием, вдруг зашаталась и со слабым стоном упала в кресло. Никто не помог ей, все стояли, оцепенев.

Людовик не мог дольше выносить это зрелище и это оскорбление. Он бросился к д'Артаньяну, который стоял у двери, прислонившись к косяку.

– Ко мне, мушкетер! – крикнул король. – Посмотрите нам обоим прямо в лицо и скажите: кто из нас бледнее?

Этот крик словно разбудил д'Артаньяна, и он повиновался. Он встряхнул головой и теперь уже без колебаний подошел к Филиппу, положил ему руку на плечо и сказал:

– Сударь, вы арестованы!

Филипп не двинулся с места, к которому словно прирос, а лишь не отрываясь глядел на своего брата-короля. В гордом молчании упрекал он его во всех своих прошедших несчастьях, во всех будущих пытках. Король не выдержал этой молчаливой пытки; он опустил глаза и быстро увлек младшего брата и невестку из комнаты, оставив мать, распростертую, без движения, в трех шагах от сына, которого она дала второй раз приговорить к смерти. Филипп подошел к Анне Австрийской и сказал ей нежным и взволнованным голосом:

– Если б я не был вашим сыном, я проклял бы вас, матушка, за то, что вы сделали меня таким несчастным.

Д'Артаньян почувствовал дрожь во всем теле. Он почтительно поклонился молодому принцу и сказал, не подымая головы:

– Простите меня, монсеньер, но я солдат и давал присягу на верность тому, кто только что вышел из этой комнаты.

– Благодарю вас, господин д'Артаньян. Но что с господином д'Эрбле?

– Он в безопасности, монсеньер, – сказал голос за ними, – и пока я жив и свободен, клянусь, ни один волос не падет с его головы.

– Господин Фуке! – сказал, грустно улыбаясь, принц.

– Простите меня, монсеньер, – сказал Фуке, опускаясь перед ним на колени. – Но тот, кто только что вышел отсюда, был моим гостем.

– Вот настоящие друзья и верные сердца, – прошептал со вздохом Филипп. – Они заставляют меня любить этот мир. Ступайте, господин д'Артаньян, я последую за вами.

В тот момент, когда капитан мушкетеров выходил, появился Кольбер, вручил д'Артаньяну приказ от короля и поспешно удалился.

Д'Артаньян прочел и в бешенстве смял его.

– Что там? – спросил принц.

– Прочтите, монсеньер, – отвечал мушкетер, подавая бумагу.

Филипп прочел следующие строки, наспех написанные рукой Людовика XIV:

«Приказ господину д'Артаньяну отвезти пленника на остров Святой Маргариты. Закрывать ему лицо железной маской, которую пленник не должен снимать под страхом смерти».

– Это справедливо, – сказал Филипп со смирением. – Я готов.

– Арамис был прав, – тихо сказал Фуке мушкетеру, – этот такой же настоящий король, как тот.

– Этот лучше, – отвечал д'Артаньян. – Но ему не хватает меня и вас.

VI

Портос думает, что скачет за титулом герцога

Арамис и Портос, пользуясь временем, подаренным им Фуке, неслись с такой быстротой, что делали немалую честь французской кавалерии. Портос не совсем понимал, ради какого поручения его заставляют развивать такую скорость, но так как он видел, что Арамис с бешеным прищипоривал коня, то и он погонял своего с яростью.

Таким образом, они скоро отъехали на двенадцать лье от Во; там они поменяли лошадей и устроили нечто вроде почтовых подстав. Во время этой остановки Портос решился деликатно расспросить Арамиса.

– Тихо! – отвечал Арамис. – Знайте только, что наше благополучие зависит от нашей скорости.

Портос ринулся вперед, как будто он был еще мушкетером 1626 года, без гроша в кармане.

– Меня сделают герцогом! – сказал он громко, хотя говорил сам с собой.

– Возможно, – отвечал улыбаясь Арамис. Лошадь Портоса обгоняла его, поэтому он услышал его слова.

Голова Арамиса горела. Деятельность тела не могла угнаться за деятельностью духа. Безудержный гнев, острая боль, смертельные угрозы – все это смешалось, корчило и грохотало в душе прелата.

На лице его были заметны следы этой жестокой борьбы. Имея возможность на большой дороге отдаваться, по крайней мере, впечатлениям момента, Арамис сыпал проклятия при каждой ошибке коня, при каждой неровности дороги. Бледный, то обливаясь горячим потом, то холодея, он стегал лошадей и прищипоривал их до крови.

Портос стонал, видя это, хотя чувствительность и не была его главным недостатком. Так скакали они в течение восьми долгих часов, пока не добрались до Орлеана.

Было четыре часа дня. Арамис, проверив все свои дорожные впечатления, решил, что ничто не указывает на возможную погоню.

Было совершенно невозможно, чтобы отряд, способный захватить Портоса и его, имел бы достаточное количество подстав, чтобы пробежать сорок лье за восемь часов. Таким образом, даже допуская погоню, беглецы, по крайней мере, на пять часов опережали преследователей.

Арамис подумал, что отдохнуть, конечно, не помешало бы, но продолжать путешествие все-таки лучше. Если двадцать лье проехать с такой же быстротой, то уже никто, даже д'Артаньян, не сможет поймать врагов короля.

Поэтому Арамис, к огорчению Портоса, снова сел на лошадь. Они скакали до семи часов вечера, оставался один почтовый перегон до Блуа. Но там серьезная помеха встревожила Арамиса. На почте не было лошадей.

Прелат стал размышлять, как его враги ухитрились отнять у него возможность продвигаться дальше. Он не верил в случай и доискивался причины – он склонен был допустить, что отказ в лошадях в такой час в таком месте был результатом приказа свыше, приказа, отданного для того, чтобы задержать бегство человека, который мастерски возводит на престол и низлагает с него королей Франции.

Но в тот момент, когда он собирался вспылить, чтобы добиться или объяснения, или лошадей, ему пришла в голову мысль. Он вспомнил, что поблизости живет граф де Ла Фер.

– Я не путешествую, – сказал он, – мне не нужно подставы до следующей почты. Дайте мне только пару лошадей, чтобы навестить одного из моих друзей, дворянина, живущего поблизости.

– Какого дворянина, позвольте узнать? – спросил хозяин почтового двора.

– Графа де Ла Фера.

– О, – сказал хозяин, почтительно снимая шляпу, – это достойный дворянин. Но как ни велико мое желание угодить ему, я не могу дать вам пары лошадей. Все мои лошади наняты господином герцогом де Бофором.

– Ах! – произнес раздосадованный Арамис.

– Однако, если вы хотите воспользоваться моей тележкой, я велю запрячь старую слепую лошадь, и она довезет вас к графу де Ла Феру.

– Я заплачу вам луидор.

– Нет, сударь, только эю; такую цену платит мне господин Гримо, управляющий графа, каждый раз, когда берет мою тележку, и я не хочу, чтобы граф мог меня упрекнуть за то, что я вынудил одного из его друзей заплатить слишком дорого.

– Как вам угодно, и особенно как угодно будет графу де Ла Феру, которого я совсем не хочу сердить. Вы получите эю; но ведь я имею право дать вам еще и луидор за вашу изобретательность.

– Конечно, – обрадовался хозяин.

И он сам запряг свою старую лошадь в скрипучую тележку.

В это время у Портоса был очень любопытный вид. Он решил, что угадал тайну, и ему не сиделось на месте: во-первых, потому, что визит к Атосу ему был особенно приятен; во-вторых, потому, что он надеялся найти и хорошую постель, и славный ужин.

Запрягли лошадь, хозяин предложил одного из своих слуг, чтобы отвезти путешественников в замок Ла Фер.

Портос уселся вместе с Арамисом в тележку и сказал ему на ухо:

– Я теперь все понимаю.

– Вот как! Что же вы понимаете, мой друг?

– Мы едем к Атосу с каким-нибудь важным предложением от короля.

Арамис ответил что-то невнятное.

– Не говорите мне ничего, – добавил Портос, стараясь своим весом уравновесить тележку, чтобы избежать тряски, – не говорите ничего, я угадаю.

– Отлично, друг мой, угадывайте, угадывайте.

Они приехали к Атосу в девять часов вечера, когда на небе ярко светила луна.

Этот лунный свет чрезвычайно радовал Портоса, но почти в такой же степени не нравился Арамису. Он выразил Портосу свое неудовольствие, на что тот ответил ему:

– Да, я все понимаю. Поручение тайное.

Это были последние слова, произнесенные Портосом. Кучер перебил его сообщением:

– Господа, вы приехали.

Портос и его спутник вышли из тележки у двери небольшого замка.

Здесь мы снова встретимся с Атосом и Бражелоном, исчезнувшими после того, как открылась измена Лавальер.

Есть слово истины, гласящее: великие печали заключают в себе зерно утешения.

Серьезная рана, нанесенная Раулю, приблизила к нему его отца, и один Бог знает, как были нежны утешения, лившиеся из красноречивых уст и великодушного сердца Атоса. Рана еще не зарубцевалась; но Атос, разговаривая со своим сыном и сопоставляя свою жизнь с его жизнью, в конце концов убедил Рауля, что страдание от первой неверности должно обязательно случиться в жизни каждого, и каждый, кто любил когда-нибудь, знаком с ним.

Часто Рауль, слушая, не слышал. Ничто не заменит влюбленному воспоминаний и мыслей о любимой. И тогда Рауль говорил своему отцу:

– Согласен, что все, что вы говорите мне, отец мой, правда; я знаю, что никто так не страдал, как вы, но вы человек слишком большого ума и слишком много испытали, вы можете

простить слабость человеку, который страдает в первый раз. Никогда я не привыкну к мысли, что Луиза, самая чистая и невинная женщина, подло обманула такого честного и любящего человека, как я. Луиза погибшая! Луиза развратная! Ах, отец, для меня это гораздо ужаснее, чем покинутый и несчастный Рауль.

Тогда Атос начинал защищать Луизу, оправдывая ее неверность любовью.

– Женщина, которая отдалась королю, потому что он король, заслуживала бы название развратной. Но Луиза любит Людовика. Оба молоды, он забыл свое положение, а она свои обещания. Любовь все прощает, Рауль. А они действительно любят друг друга.

И после подобного разговора Атос вздыхал, видя, как Рауль мечется от жестокой раны, убегает в глубину леса или скрывается у себя в комнате, откуда выходит через час бледный, но укрощенный.

Так проходили дни, следовавшие за той бурной сценой, во время которой Атос так сильно задел неукротимую гордость короля. Никогда в разговорах со своим сыном он не упоминал эту сцену; никогда он не передал ни одной подробности этого величественного ухода, который, быть может, утешил бы юношу, показав ему униженным его врага. Атос не хотел, чтобы оскорбленный влюбленный забыл об уважении к королю.

И когда, яростный и мрачный, де Бражелон говорил с презрением о цене королевского слова и о нелепой вере, с какой некоторые безумцы относятся к королевским обещаниям; когда, перескочив два столетия с быстротой птицы, Рауль доходил до предсказания тех времен, когда короли станут ничтожнее всех людей, Атос говорил ему спокойно и убедительно:

– Да, вы правы, Рауль, и то, что вы говорите, случится: короли потеряют свою силу, как звезды теряют свой блеск, когда пройдет их время. Но когда придет этот час, нас уже не будет. Запомните то, что я говорю вам: в этом мире все – мужчины, женщины, короли, – все мы должны жить настоящим.

Вот о чем разговаривали, как всегда, Атос и Рауль, прогуливаясь по длинной липовой аллее, когда раздался звон колокольчика, возвещавший обед или прибытие гостя. Машинально и не придавая этому никакого значения, они повернули обратно и, дойдя до конца аллеи, встретились с Портосом и Арамисом.

VII

Последнее прощание

Обрадованный Рауль крепко обнял Портоса. Арамис и Атос дружески поцеловались. После этих объятий Арамис сказал:

- Друг, мы к вам ненадолго.
- Вот как!
- Только чтобы успеть рассказать вам о моем счастье, – добавил Портос.
- А! – произнес Рауль.

Атос молча посмотрел на Арамиса, мрачный вид которого, казалось ему, не соответствовал добрым вестям Портоса.

- Что за радость с вами случилась? – спросил улыбаясь Рауль.
- Король жалует меня герцогским титулом, – таинственно сказал Портос, наклонившись к уху молодого человека. Но шепот Портоса был больше похож на рев, и Атос услышал и радостно воскликнул. Арамис вздрогнул.

Прелат взял под руку Атоса и, попросив разрешения у Портоса поговорить несколько минут наедине с графом, сказал:

- Дорогой Атос, я в великой печали.
- В печали? Ах, дорогой друг!
- Итак, в двух словах: я устроил заговор против короля, этот заговор не удался, и в настоящий момент меня конечно же ищут.
- Вас ищут?.. Заговор?.. О чем вы говорите, друг мой?
- Это печальная истина. Я погиб.
- Но Портос... этот герцогский титул... что все это означает?
- Вот это и мучит меня, это и есть самая моя глубокая рана. Я, веря в неминуемый успех моего заговора, вовлек в него Портоса. Он отдался ему целиком, как он умеет это делать, ничего не зная о сути, и так же погибнет, как и я.

– Боже мой!

И Атос повернулся к Портосу, который ему ласково улыбнулся.

– Надо вам все рассказать по порядку. Выслушайте меня, – сказал Арамис.

И он рассказал уже известную нам историю.

Во время рассказа Атос несколько раз ощущал, как лоб его покрывался испариной.

– Это был великий замысел, – сказал он, – но и великая ошибка.

– За которую я наказан, Атос.

– Поэтому я и не говорю вам все свои мысли.

– Скажите же, прошу вас.

– Это преступление.

– Да, конечно, я знаю. Оскорбление величества!

– Портос, бедный Портос!

– Что же вы хотите? Успех, как я сказал вам, был обеспечен.

– Господин Фуке – честный человек.

– Я глупец, что так неверно судил о нем, – сказал Арамис. – О, мудрость людей! О, эта гигантская мельница, перемалывающая весь мир и останавливающаяся вдруг, потому что горсть песка неведомо как попадает в ее колеса!

– Это может быть и алмаз, Арамис. Но зло уже свершилось. Что вы предполагаете делать?

– Я увезу Портоса. Король никогда не поверит, что этот добрейший человек действовал бессознательно; никогда он не поверит, что Портос думал, что он служит королю, поступая, как он поступал. Он своей головой рискует заплатить за мою ошибку. Этого я не хочу.

– Куда вы его увезете?

– Сначала на Бель-Иль. Это неприступное убежище. Ну а потом море и корабль... и мы переправимся в Англию, где у меня большие связи...

– Вы? В Англию?

– Да. Или в Испанию, где связей у меня еще больше...

– Но ведь, увозя Портоса, вы его разоряете, потому что король конфискует его владения.

– Я это уже обдумал. Как только я буду в Испании, я сумею помириться с Людовиком Четырнадцатым и вернуть его милость Портосу.

– Я вижу, Арамис, что вы пользуетесь большим влиянием, – скромно сказал Атос.

– Да, и готов послужить интересам моих друзей.

Эти слова сопровождались искренним рукопожатием.

– Благодарю вас, – сказал Атос.

– И раз мы об этом заговорили... Ведь вы тоже недовольны, у вас и у Рауля есть обиды на короля. Последуйте нашему примеру. Переберитесь на Бель-Иль. А там посмотрим... Клянусь честью, что через месяц вспыхнет война между Францией и Испанией по поводу этого сына Людовика Тринадцатого, который является также испанским инфантом и которого Франция держит в бесчеловечном заключении. А так как Людовик Четырнадцатый не захочет войны по такому поводу, я вам гарантирую мир, в результате которого Портос и я станем испанскими грандами, а вы получите герцогский титул во Франции, так как вы уже испанский гранд. Желаете вы этого?

– Нет, лучше я буду иметь возможность упрекать короля и иметь над ним превосходство. А делая то, что вы мне предлагаете, я делаюсь должником короля: да, я выиграю земные блага, но потеряю духовные.

– В таком случае, Атос, я хотел бы две вещи: ваше прощение...

– О, я охотно прощаю вас, если вы действительно хотели отомстить за слабого и угнетенного!

– Этого мне вполне достаточно, – отвечал Арамис; темнота скрыла краску, выступившую у него на лице. – А еще дайте мне двух ваших лучших лошадей, чтобы добраться до следующей почтовой станции, так как мне отказали в них под предлогом путешествия по вашим краям герцога де Бофора.

– Вы получите моих лучших лошадей, Арамис, и, прошу вас, позаботьтесь о Портосе.

– О, не бойтесь! Еще одно слово: находите ли вы, что я поступаю с ним порядочно?

– Раз зло уже совершено, да; потому что король все равно не простил бы ему. Кроме того, у вас есть поддержка в лице господина Фуке, который вас не покинет, так как тоже очень скомпрометирован, несмотря на свой героический поступок.

– Вы правы. Вот поэтому, вместо того чтобы сразу же уехать из Франции, что указывало бы на мой страх, я остаюсь на французской земле. Но Бель-Иль будет для меня той землей, какую я пожелаю: английской, испанской или папской. Все зависит лишь от того, какой я подниму там флаг.

– Каким образом?

– Я укрепил Бель-Иль, и никто не сможет его занять, пока я защищаю его. И затем, как вы заметили, есть еще господин Фуке. На Бель-Иль не нападут, пока приказ не будет подписан господином Фуке.

– Это верно, и все же будьте осторожны. Король хитер, и сила в его руках.

Арамис улыбнулся.

– Я прошу вас позаботиться о Портосе, – повторил с какой-то холодной настойчивостью Атос.

– То, что со мной случится, граф, – ответил тем же тоном Арамис, – случится и с нашим братом Портосом.

Атос пожал руку Арамису и, подойдя к Портосу, крепко поцеловал его.

– Я родился счастливым, ведь правда? – прошептал Портос, заворачиваясь в плащ.

– Поедем, дорогой друг, – сказал Арамис.

Рауль ушел вперед, чтобы отдать распоряжения насчет двух лошадей.

Общество разделилось на две части. Атос, видя, что друзья его собираются уезжать, почувствовал, как какой-то туман застилал его глаза и тяжесть легла ему на сердце.

«Как странно! – подумал он. – Откуда у меня такое желание еще раз попрощаться с Портосом?»

И тут Портос обернулся и пошел к своему другу, протянув к нему руки. Это последнее объятие было таким же крепким, как в молодости, когда сердца были горячи и жизнь счастлива.

Потом Портос сел на лошадь. Арамис вернулся, чтобы еще раз обнять Атоса.

Граф де Ла Фер видел, как на большой дороге удалялись в темноте их белые плащи. Похожие на привидения, вот они уже пропали за поворотом.

С тяжелым сердцем Атос направился к дому в сопровождении Рауля.

– Рауль, что-то подсказывает мне, что я видел их в последний раз.

– Это меня не удивляет, эта же мысль пришла и мне только что в голову, и мне тоже кажется, что я никогда больше не увижу господина дю Валлона и господина д'Эрбле.

– О, в вас говорит человек, огорченный по другому поводу, и вы все видите в черном цвете; но вы молоды, и если вы не увидите этих старых друзей, то лишь по той причине, что их больше не будет в том мире, где вам еще долгие годы надо прожить. Тогда как я...

Рауль покачал головой и прижался к плечу графа. Ни тот ни другой не нашли больше ни одного слова, так как сердца их были переполнены до краев.

Внезапно их внимание привлекли конский топот и людские голоса на дороге в Блуа. Всадники потрясали факелами и время от времени оглядывались, чтобы не слишком далеко отъезжать от следовавшего за ними отряда.

Эти огни, шум, пыль столбом от дюжины лошадей в богатых чепраках – все это было странным по сравнению с глухим и мрачным исчезновением двух теней Портоса и Арамиса.

Атос вернулся к себе.

Но он не успел дойти до своего цветника, как калитка осветилась пламенем. Все факелы остановились и как бы залили огнем всю дорогу. Раздался крик: «Герцог де Бофор!»

Атос бросился к дверям своего дома.

Герцог сошел с лошади и искал глазами хозяина.

– Я здесь, монсеньер, – сказал Атос.

– А, добрый вечер, дорогой граф, – отвечал герцог с той сердечностью, которая подкупала все сердца. – Не слишком поздно я приехал к вам?

– Прошу вас, входите, ваша светлость.

Опираясь на руку Атоса, герцог де Бофор вошел в дом. За ними шагал Рауль, окруженный офицерами герцога, среди которых у него было несколько друзей.

VIII

Герцог де Бофор

В тот момент, когда Рауль, желая оставить герцога наедине с Атосом, закрывал дверь и собирался перейти вместе с офицерами в соседнюю залу, герцог обернулся.

– Это тот юноша, которого так хвалил мне принц? – спросил господин де Бофор.

– Да, это он, монсеньер.

– Да он настоящий солдат! Он здесь не лишний, оставьте его с нами, граф.

– Оставайтесь, Рауль, раз монсеньер разрешает, – сказал Атос.

– Как он высок и красив! – продолжал герцог. – Вы мне его дадите, если я его попрошу у вас, сударь?

– Что вы хотите сказать, монсеньер?

– Я ведь приехал проститься с вами. Вы разве не знаете, кем я собираюсь вскоре стать?

– Думаю, тем, кем вы всегда были, монсеньер, – храбрым принцем и прекрасным дворянином.

– Я собираюсь стать африканским принцем и бедуинским дворянином. Король посылает меня покорять арабов.

– Что вы говорите, монсеньер?

– Странно, вы не находите? Я, чистокровный парижанин, я – король предместий (меня ведь прозвали рыночным королем), я перехожу от площади Мобер к минаретам Джиджелли¹; я становлюсь авантюристом, искателем приключений.

– О, монсеньер, если бы не вы сами это мне говорили...

– Вы бы не поверили, не правда ли? Все же поверьте мне и простимся. Вот что значит снова обрести королевскую милость.

– Милость?

– Вы улыбаетесь? Ах, дорогой граф, вы знаете, почему я принял это назначение?

– Потому, что ваша светлость любит славу больше всего.

– О, какая же это слава – ехать стрелять из мушкета в этих дикарей! Я не так смотрю на славу и надеюсь, что я там найду кое-что другое... Но я хотел и хочу, чтобы моя жизнь, – слышите, граф, – чтобы моя жизнь имела бы еще и эту грань после всех странных огней, какими она блистала пятьдесят лет. Вы ведь согласитесь, что довольно странно родиться сыном короля, воевать с королями, считаться одним из могущественнейших людей своего века, быть всегда на высоте своего положения, походить на Генриха Четвертого, быть великим адмиралом Франции – и поехать за смертью в Джиджелли к этим туркам, маврам и сарацинам?

– Монсеньер, почему вы настаиваете на этом? – сказал смущенный Атос. – Неужели можно предположить, что столь блестящая судьба закончится в этом жалком углу?

– Неужели вы думаете, справедливый и доверчивый человек, что если я еду в Африку по такому смешному поводу, то я не постараюсь с честью выйти из этого смешного положения? Неужели я не заставлю говорить о себе? Разве для того, чтобы нынче заставить говорить о себе, когда есть принц, господин де Тюренн и еще несколько моих современников, разве мне, адмиралу Франции, сыну Генриха Четвертого и королю Парижа, можно сделать что-нибудь, кроме того, чтобы подставить свой лоб под пулю? Черт возьми! Уверяю вас, что об этом будут говорить. Я буду убит назло всем и против всех. Если не там, то в другом месте.

– Монсеньер, вы чрезмерно преувеличиваете. А в вашей жизни чрезмерной была только храбрость!

¹ Джиджелли – город и порт в Алжире, был захвачен в 1664 г. экспедицией герцога Бофора, но вскоре потерян.

– Черт возьми, дорогой друг, это ведь храбрость – ехать туда, где цинга, дизентерия, саранча и отравленные стрелы, как мой предок Людовик Святой. Вы знаете, что эти негодяи до сих пор употребляют отравленные стрелы? И потом, я об этом давно думаю. И вы меня знаете: когда я чего-нибудь хочу, я хочу очень сильно.

– Вы пожелали уехать из Венсена, монсеньер?

– Да, но вы мне в этом помогли, мой друг; и, кстати, я смотрю по сторонам и не вижу моего старого друга господина Вогримо. Как он поживает?

– Господин Вогримо и доньне – почтительный слуга вашей светлости, – сказал улыбаясь Атос.

– У меня есть для него сто пистолей, которые я привез как наследство. Мое завещание сделано.

– Ах, монсеньер, монсеньер!

– И вы понимаете, что если бы вы увидели имя Гримо в моем завещании...

Герцог засмеялся, потом обернулся к Раулю, который с начала этого разговора задумчиво стоял рядом, и сказал:

– Молодой человек, я знаю, что здесь есть некое вино Вувре...

Рауль поспешно вышел, чтоб распорядиться об угощении герцога. Господин де Бофор взял Атоса за руку и спросил:

– Что вы хотите с ним делать?

– Пока ничего, монсеньер.

– Ах, да, я знаю; со времени страсти короля к... Лавальер...

– Да, монсеньер.

– Значит, все это правда?... Я ее, кажется, знал, эту Лавальер. Она некрасива, как мне показалось...

– Да, монсеньер.

– Знаете, кого она мне напоминает? Одну довольно милую юную девушку, мать которой жила около рынка.

– А-а! – улыбнулся Атос.

– Хорошие были времена! – добавил господин де Бофор. – Да, Лавальер мне напоминает эту девушку.

– У которой был сын, не правда ли?

– Кажется, да, – ответил герцог с наивной беспечностью и удобной забывчивостью. – А вот Рауль, он ведь ваш сын, не правда ли?

– Да, монсеньер, это мой сын.

– Этот бедный мальчик обижен королем и поэтому страдает.

– Страдает, но старается сдерживаться.

– Вы дадите ему тут засохнуть? Это нехорошо. Право, дайте его мне.

– Я хочу его сохранить, монсеньер. У меня только он один на свете, и пока он захочет здесь остаться...

– Ну, хорошо, хорошо, – отвечал герцог. – Все же я вам бы это очень советовал. Я вас уверяю, что он из того теста, из которого делают маршалы.

– Возможно, монсеньер, но ведь маршалов Франции назначает король, а Рауль никогда ничего не примет от короля.

Разговор прервался, так как вошел Рауль. Он шел перед Гримо, который в своих еще уверенных и твердых руках нес поднос со стаканом и бутылкой любимого вина господина герцога.

Увидев своего старого приятеля, герцог радостно воскликнул:

– Гримо! Здравствуй, Гримо! Как поживаешь?

Слуга низко поклонился, обрадованный так же, как и его знатный собеседник.

– Вот мы и встретились! – сказал герцог, энергично трепля по плечу старого Гримо.

Гримо снова поклонился, еще ниже и радостнее.

– Что я вижу, граф? Только один стакан?

– Я пью с вашей светлостью, только если ваша светлость меня приглашает, – с благородной скромностью сказал Атос.

– Черт возьми! Вы правы, что приказали принести только один стакан – мы будем оба пить из него как братья по оружию. Пейте первым, граф.

– Окажите мне милость, – сказал Атос, тихонько отодвигая стакан.

– Вы чудесный друг, – отвечал герцог де Бофор.

Он выпил и передал золотой кубок своему другу.

– Но это еще не все, – продолжал он. – Я еще хочу пить, и мне хочется оказать честь вот этому красивому малому, который здесь стоит. Я приношу счастье, виконт, – сказал он Раулю. – Пожелайте чего-нибудь, когда будете пить из моего стакана, и, черт меня побери, если то, что вы пожелаете, не исполнится.

Он протянул кубок Раулю, который быстро сделал глоток и так же быстро сказал:

– Я пожелал, монсеньер.

Глаза его горели мрачным огнем, кровь прилила к его щекам; он испугал Атоса своей улыбкой.

– Что же вы пожелали? – спросил герцог, откинувшись в кресло и одной рукой передавая Гримо бутылку и кошелек.

– Монсеньер, обещайте мне, что вы исполните то, что я пожелал.

– Разумеется, раз я сказал.

– Я пожелал, господин герцог, отправиться с вами в Джиджелли.

Атос побледнел и не мог скрыть своего волнения. Герцог посмотрел на своего друга, как бы желая помочь ему отпарировать этот неожиданный удар.

– Это трудно, мой милый виконт, очень трудно, – сказал он излишне тихо.

– Простите меня, монсеньер, я был нескромен, – произнес Рауль твердым голосом, – но так как вы сами предложили мне что-нибудь пожелать...

– Пожелать оставить меня, – сказал Атос.

– О, граф... неужели вы можете так думать?

– Черт возьми! – вскричал герцог. – В сущности, этот мальчуган совершенно прав. Что ему здесь делать? Он здесь пропадет с горя.

Рауль покраснел. Герцог, увлекшись, продолжал:

– Война – разрушение, но на ней можно много выиграть, а потерять только одно – жизнь. Стоит ли жалеть?

– То есть теряешь память, – быстро сказал Рауль, – значит, можешь радоваться!

Рауль увидел, что Атос встал и открывает окно. Этот жест, несомненно, скрывал волнение. Рауль бросился к графу, но Атос уже справился со своей печалью, и, когда он повернулся к свету, его лицо было ясно и спокойно.

– Ну, как же, – сказал герцог, – едет он или не едет? Если едет, то он будет моим адъютантом, моим сыном, граф.

– Монсеньер! – воскликнул Рауль и низко поклонился.

– Монсеньер! – воскликнул граф. – Рауль сделает то, что захочет.

– О нет, граф, я сделаю то, что вы захотите! – воскликнул юноша.

– В таком случае, не граф и не виконт будут это решать, – сказал герцог, – а я. Я уважу его. Морская служба – это великолепная карьера, друг мой.

Рауль печально улыбнулся, и сердце Атоса сжалось, и он ответил ему строгим взглядом.

Было уже поздно, и герцог встал и быстро сказал:

– Я тороплюсь; но если мне скажут, что я потерял время в разговорах с другом, я отвечу, что записал отличного новобранца.

– Прошу меня простить, – перебил Рауль, – не говорите этого королю, потому что не ему я буду служить.

– Кому же ты будешь служить, милый друг? Теперь уж не те времена, когда можно было говорить: «Я принадлежу господину де Бофору». Нет, теперь мы все, от мала до велика, принадлежим королю. Поэтому, если ты будешь служить на моих кораблях – никаких недомолвок, мой милый виконт: ты будешь служить королю.

Атос с нетерпением ждал, что ответит на этот трудный вопрос Рауль, непримиримый враг короля – своего соперника. Он надеялся, что желание разобьется об это препятствие. Он был благодарен господину де Бофору за его легкомыслие или же великодушие, благодаря которому еще раз подвергался сомнению отъезд его сына, его единственной радости.

Но Рауль все так же спокойно и стойко ответил:

– Герцог, вопрос, который вы мне задаете, в душе я уже решил. Я буду служить на ваших кораблях, раз вы милостиво согласились взять меня с собой, но служить буду более могущественному господину, чем король, – я буду служить Богу.

– Богу? Каким же образом? – в один голос воскликнули Атос и герцог.

– Я хотел бы дать обет и стать мальтийским рыцарем².

Эти слова, отчетливо и медленно произнесенные Раулем, упали, подобно ледяным каплям с черных деревьев в зимнюю бурю.

Это был последний удар, и Атос пошатнулся, а сам герцог почувствовал, что к нему подступили сомнения. Гримо глухо простонал и уронил бутылку, которая разбилась на ковре, но никто на это не обратил внимания.

Герцог де Бофор пристально посмотрел на молодого человека и прочел на его лице, несмотря на опущенные глаза, такую решимость, которой никто не смог бы противостоять. Что же касается Атоса, то он знал эту нежную и непреклонную душу и не надеялся отклонить ее от рокового пути, который она только что избрала. Он пожал протянутую руку герцога.

– Граф, через два дня я еду в Тулон, – сказал господин де Бофор. – Приедете ли вы ко мне в Париж, чтобы сообщить мне ваше решение?

– Я буду иметь честь приехать, чтобы еще раз поблагодарить вас за все ваши милости, монсеньер, – ответил граф.

– И привезите мне вашего сына, независимо от того, едет он со мной или нет, – добавил герцог. – Я ему дал слово, а от него требую только вашего разрешения.

И, пролив этот бальзам на раненое отцовское сердце, герцог потрепал по плечу старого Гримо, который как-то неестественно моргал глазами, и присоединился к своей свите, ожидавшей его в саду.

Когда свежие и отдохнувшие лошади быстро умчали гостей, Атос и де Бражелон остались одни. Было одиннадцать часов.

И отец и сын молчали, но всякий проницательный человек угадал бы в этом молчании сдавленные крики и рыдания. Но оба они были так закалены, что всякое волнение, которое они подавляли, уходило в глубину сердца и больше уже не показывалось.

Молчаливо провели они час до полуночи. Потом Атос поднялся первым и сказал:

– Поздно... До завтра, Рауль.

Рауль также встал и подошел поцеловать его на прощание.

Граф прижал его к груди и тихо сказал прерывающимся голосом:

– Через два дня вы меня покинете навсегда, Рауль?

² *Мальтийские рыцари, иоанниты* – члены духовного рыцарского ордена, основанного в 1118 г. в Палестине. После падения Иерусалима в 1187 г. орден переехал на Кипр, потом на Родос и в 1530 г. и в 1530 г. окончательно обосновался на Мальте.

– Граф, выслушайте меня, умоляю вас. Если я не уеду, я умру здесь от страдания и любви. Я знаю, сколько мне еще осталось жить здесь. Скорее отошлите меня, или я медленно умру здесь, на ваших глазах, в вашем доме. Это сильнее моей воли и выше моих сил. Вы же видите, что за этот месяц я постарел на тридцать лет, моя жизнь подошла к концу.

– Ну что ж, – холодно сказал Атос, – вы уезжаете с намерением быть убитым в Африке? О, скажите мне правду, не лгите.

Рауль побледнел и помолчал несколько секунд, но эти секунды были подобны часам агонии для его отца; потом он вдруг сказал:

– Я обещал отдать себя на служение Богу, граф. В обмен на то, что я жертвую своею молодостью и свободой, я попрошу лишь одно – сохранить меня для вас, потому что вы – то единственное, что связывает меня с жизнью. Один Бог может дать мне силы не забывать, что я всем вам обязан и что нет ничего для меня важнее вас.

Атос нежно поцеловал сына и сказал:

– Я услышал слова честного человека. Через два дня мы будем у герцога де Бофора в Париже, и вы поступите так, как найдете нужным. Прощайте!

И он медленно пошел к себе в спальню. Рауль спустился в сад и всю ночь провел в липовой аллее.

IX

Рауль готовится к отъезду

Атос понял, что не в силах разрушить это непоколебимое решение, и два дня отсрочки, данной герцогом, посвятил снаряжению Рауля. Он поручил это дело Гримо, который тотчас же принялся за него с известными читателю готовностью и обстоятельностью. Атос приказал достойному слуге отвезти вещи в Париж, как только они будут собраны, а сам вместе с сыном поехал на следующий же день после посещения господина де Бофора, чтобы не заставлять ждать герцога.

Возвращение в Париж, в общество людей, которые его знали и любили, взволновало бедного юношу.

Каждое знакомое лицо напоминало ему либо о страдании, когда-либо им испытанном, либо о каком-нибудь обстоятельстве его несчастной любви. Приближаясь к Парижу, Рауль чувствовал, что он умирает. Когда он приехал к де Гишу, ему сказали, что господин де Гиш у брата короля.

Рауль отправился в Люксембургский дворец и, не зная, что он находится там, где живет Лавальер, услышал столько музыки и вдохнул столько ароматов, услышал такой веселый смех и увидел столько танцующих теней, что, если бы его не заметила одна сердобольная женщина, он просидел бы, унылый и бледный, в приемной за портьерой, а затем ушел бы оттуда навсегда.

Забыв обо всем, Рауль сидел перед остановившимися часами, как вдруг прошелестело платье в соседней гостиной, послышался смех и мимо него прошла молодая хорошенькая женщина, оживленно споря о чем-то с дежурным офицером.

Офицер отвечал спокойно и твердо; это была, скорее, любовная ссора, чем спор между придворными людьми, и она кончилась тем, что кавалер поцеловал даме пальчики.

Вдруг, заметив Рауля, дама замолчала и, остановив офицера, сказала:

– Уходите, Маликорн; я не знала, что здесь есть еще кто-то. Я вас прокляну, если нас видели или слышали!

Маликорн тут же скрылся, а молодая женщина подошла сзади к Раулю и, улыбнувшись, сказала:

– Сударь, вы порядочный человек... и, конечно...

Потом она вдруг вскрикнула:

– Рауль! – и густо покраснела.

– Мадемуазель де Монтале! – проговорил Рауль, бледный как смерть.

Он встал, шатаясь, и хотел бежать по скользкому мозаичному полу; но она поняла его мучительное состояние, почувствовала в его бегстве осуждение или, по крайней мере, подозрение. Ей захотелось оправдаться перед ним, и она остановила Рауля посреди галереи.

Рауль с такой холодностью принял ее вызов, что если бы кто-нибудь застал их там, то не было бы никаких сомнений относительно поведения мадемуазель де Монтале.

– Ах, сударь, – сказала она возмущенно, – то, что вы делаете, недостойно дворянина. Мое сердце подсказывает мне поговорить с вами, а вы меня компрометируете, отвечая так неучтиво; вы не правы, сударь, смешивая ваших друзей с врагами. Прощайте!

Виконт поклялся себе никогда не говорить о Луизе, никогда не смотреть на тех, кто ее видел; он переходил в другой мир, чтобы не встречать ничего, что видела или к чему прикасалась Луиза. Но после первого удара по самолюбию, после того, как он увидел Монтале, подругу Луизы, – Монтале, напоминавшую ему башенку в Блуа и его юное счастье, все его благоразумие тут же исчезло.

– Простите меня, мадемуазель, – сказал он, – но я совсем не хотел быть с вами неучтивым.

– Вы хотите поговорить со мной? – сказала она с прежней улыбкой. – Тогда пойдемте куда-нибудь в другое место, так как здесь нас могут застать.

– Куда?

Она неуверенно посмотрела на часы, потом, подумав, сказала:

– Ко мне, у нас есть еще целый час впереди.

И, легкая, как фея, побежала в свою комнату; Рауль последовал за ней. Войдя, она закрыла дверь и передала камеристке мантилью, которую держала в руках, затем обратилась к Раулю:

– Вы ищете господина де Гиша?

– Да, сударыня.

– Я попрошу его подняться ко мне, когда мы с вами поговорим.

– Благодарю вас, сударыня.

– Вы на меня сердитесь?

Рауль одно мгновение смотрел на нее, затем, опустив глаза, сказал:

– Да.

– Вы думаете, что я участвовала в заговоре, который привел к вашему разрыву с Луизой?

– Разрыву! – сказал он с горечью. – О, сударыня, разве может быть разрыв там, где никогда не было любви?

– Вы заблуждаетесь! Луиза вас любила.

Рауль вздрогнул.

– Это не была страсть, я знаю, но она вас любила, и вам надо было жениться на ней до отъезда в Лондон.

Рауль мрачно захохотал, и Монтале вздрогнула.

– Вам хорошо так говорить, сударыня... Разве мы женимся на той, кто нам по сердцу? Вы, видимо, забываете, что в то время король уже берег для себя свою любовницу, о которой мы говорим.

– Должна вам сказать, – продолжала молодая женщина, сжимая холодные руки Рауля, – вы поступили крайне опрометчиво, сами виноваты: мужчина вашего возраста не должен оставлять одну женщину ее возраста.

– Значит, верности в мире больше не существует, – сказал Рауль.

– Нет, виконт, – спокойно ответила Монтале. – Однако замечу, что если бы вместо того, чтобы холодно и философски любить Луизу, вы разбудили бы ее сердце...

– Довольно, прошу вас, сударыня! Я чувствую, что вы все принадлежите к совсем другому веку, чем я. Вы умеете смеяться и мило издеваться. А я любил мадемуазель де... – Рауль не мог договорить имя. – Я любил ее, я верил ей, а теперь я расплачиваюсь за свою веру тем, что больше ее не люблю.

– О, виконт! – воскликнула Монтале, подавая ему зеркало.

– Понимаю, что вы хотите сказать, сударыня. Я очень изменился, не правда ли? Знаете почему? Мое лицо – зеркало моей души, и внутри я изменился так же, как снаружи.

– Вы утешились? – насмешливо спросила Монтале.

– Нет, я никогда не утешусь.

– Вас не поймут, господин де Бражелон.

– Меня это меньше всего беспокоит. Сам себя я слишком хорошо понимаю.

– Вы даже не пытались поговорить с Луизой?

– Я? – вскричал молодой человек, сверкая глазами. – Я? Право, а почему вы мне не советуете на ней жениться? Может быть, король теперь и согласился бы на это!

И в гневе он встал.

– Я вижу, – сказала Монтале, – что вы не излечились и что у Луизы есть еще один враг.

– Враг?

– Фавориток не очень-то жалуют при французском дворе.

– Разве мало ей защиты ее возлюбленного? Она выбрала возлюбленного такого сана, что никаким врагам его не осилить. И потом, – добавил он после паузы с некоторой иронией, – у нее есть такая подруга, как вы.

– Я? О нет: я уже не принадлежу к тем, кого мадемуазель де Лавальер удостаивает взглядом, но...

В этом «но» было полно угроз, от этого «но» забилося сердце Рауля, так как оно предвещало горе той, которую он так любил; на этом многозначительном «но» разговор был прерван довольно сильным шумом в алькове за деревянной панелью.

Монтале прислушалась, а Рауль уже встал, когда в комнату спокойно вошла женщина и прикрыла за собой потайную дверь.

– Принцесса! – воскликнул Рауль, узнав невестку короля, Генриетту.

– О я несчастная! – прошептала Монтале, слишком поздно бросаясь навстречу принцессе. – Я ошиблась часом!

Однако она успела предупредить идущую прямо на Рауля принцессу:

– Господин де Бражелон, ваше высочество.

– Ваше королевское высочество, – поспешно заговорила Монтале, – так добры, что подумали об этой лотерее и...

Принцесса начинала терять присутствие духа.

Рауль, еще не догадываясь обо всем, торопился уйти, так как чувствовал, что он лишний.

Принцесса собиралась что-нибудь сказать, чтобы прекратить это неловкое положение, как вдруг напротив алькова открылся шкаф и из него вышел сияющий де Гиш. Принцесса чуть не упала в обморок и поспешила прислониться к кровати. Никто не посмел ее поддержать. Прошло несколько ужасных минут молчания.

Рауль прервал его, направившись к графу, у которого от волнения дрожали колени. Он взял его за руку и сказал:

– Дорогой граф, скажите ее высочеству, что я так несчастлив, что заслуживаю ее прощения; скажите ей, что я любил, и ужас перед предательством, жертвой которого я стал, делает меня нетерпимым к любому предательству, которое бы совершилось вокруг меня. Вот почему, сударыня, – сказал он, улыбаясь Монтале, – я никогда не открою тайну ваших свиданий с моим другом. Добейтесь у принцессы (принцесса так милостива и великодушна), чтобы она простила вас, хоть она только что застала вас вместе. Вы ведь оба свободны, так любите же друг друга и будьте счастливы!

Принцесса пришла в непередаваемое отчаяние. Несмотря на изысканную деликатность Рауля, ей было неприятно зависеть от возможной нескромности. Ей также было неприятно воспользоваться лазейкой, которую предоставлял ей этот деликатный обман. Живая и нервная, она переживала это. Рауль понял ее и еще раз пришел к ней на помощь. Он преклонил перед ней колени и совсем тихо сказал:

– Ваше высочество, через два дня я буду далеко от Парижа, а через две недели я буду вдали от Франции и никогда больше меня никто здесь не увидит.

– Вы уезжаете? – радостно спросила она.

– С герцогом де Бофором.

– В Африку? – воскликнул де Гиш. – Вы, Рауль? О, мой друг, в Африку, где умирают!

И, забыв все, не подумав, что самое это забвение больше компрометирует принцессу, чем его появление в этой комнате, он сказал:

– Неблагодарный, вы даже не посоветовались со мной!

И он крепко обнял Рауля.

В это время с помощью Монтале исчезла принцесса, а за нею исчезла и сама Монтале.

Рауль провел рукой по лбу и сказал с улыбкой:

– Кажется, мне все приснилось!

Затем, обратившись к де Гишу, продолжал:

– Друг мой, я не скрываю от вас ничего, ведь вы избраны моим сердцем: я еду туда умирать, и ваша тайна умрет со мной раньше чем через год.

– О, Рауль! Вы же мужчина!

– Знаете, о чем я думаю, де Гиш? Я думаю, что, лежа в могиле, я буду более живым, чем сейчас, в этот последний месяц. Ведь мы христиане, друг мой, а я не мог бы отвечать за свою душу, если б это страдание продолжалось.

Де Гиш хотел возразить, но Рауль перебил его:

– Ни слова больше обо мне; я хочу дать вам совет, дорогой друг, и это очень важно. Вы рискуете больше, чем я, так как вы любимы.

– О!..

– Для меня такая радость говорить с вами об этом. Де Гиш, остерегайтесь Монтале.

– Она добрый друг.

– Она была подругой... той... кого вы знаете, и погубила ее из тщеславия.

– Вы ошибаетесь.

– А теперь, погубив ее, она хочет отнять у нее то единственное, что извиняет ее в моих глазах, – ее любовь.

– Что вы хотите сказать?

– Что против любовницы короля – заговор, и этот заговор в самом доме принцессы.

– Вы так думаете?

– Я в этом убежден.

– И Монтале участвует в заговоре?

– Она наименее опасная из всех врагов, которые могут повредить... той...

– Объяснитесь, друг мой, я должен вас понять...

– В двух словах: принцесса ревновала короля.

– Я это знаю...

– О, не бойтесь ничего, де Гиш, вас любят; чувствуете ли вы цену этих двух слов? Они значат, что вы можете ходить с поднятой головой, что вы можете спать спокойно, что вы можете благодарить Бога каждую минуту вашей жизни! Вас любят – это значит, что вы можете выслушать все, даже совет друга, который хочет уберечь ваше счастье. Вас любят, де Гиш, вас любят! У вас не будет ужасных ночей, бесконечных ночей, которые проводят с сухими глазами и истерзанным сердцем несчастные, обреченные на смерть. Вы будете долго жить, если будете поступать как скупец, который по капелькам и крошкам собирает бриллианты и золото. Вас любят! Разрешите же мне сказать вам, как нужно поступать, чтобы вас любили всегда.

Де Гиш некоторое время смотрел на молодого человека, полубезумного от отчаяния, и в его душе промелькнула тень стыда за свое счастье.

Рауль мало-помалу успокаивался, переходя постепенно от возбуждения к своему обычному спокойствию.

– Заставят страдать, – сказал он, – ту, чье имя я уже не могу больше произнести. Поклянитесь мне, что вы не только не будете содействовать этому, но защитите ее так же, как я сам бы ее защищал.

– Клянусь! – отвечал де Гиш.

– И в тот же день, когда вы окажете ей какую-нибудь важную услугу, в тот день, когда она будет благодарить вас, обещайте мне, что вы скажете ей: «Сударыня, я сделал вам добро по просьбе господина де Бражелона, которому вы сделали столько зла».

– Клянусь! – прошептал тронутый де Гиш.

– Вот и все. Прощайте! Я завтра или послезавтра уезжаю в Тулон. Если у вас есть несколько свободных часов, подарите их мне.

– Все мое время – для вас!

– Благодарю вас.

– А что вы сейчас собираетесь делать?

– Я отправлюсь к Планше, где мы надеемся, господин граф и я, увидеть господина д'Артаньяна. Я хочу проститься с ним перед отъездом. Он хороший человек и любил меня. Прощайте, дорогой друг. Вас, наверное, ждут. А когда вы захотите меня увидеть, вы меня найдете у графа. Прощайте!

Молодые люди поцеловались. Тот, кто увидел бы их, не преминул бы сказать, указывая на Рауля:

– Вот этот человек действительно счастлив.

X Опись Планше

Во время визита Рауля в Люксембургский дворец Атос действительно пошел к Планше, чтобы узнать что-нибудь о д'Артаньяне.

Придя на Ломбардскую улицу, граф нашел лавку Планше в большом беспорядке. Но беспорядок происходил не от бойкой продажи или привоза товара. Один приказчик с пером за ухом, другой с записной книжкой в руке записывали массу каких-то цифр, в то время как третий считал и взвешивал.

Увидев, как нескольким покупателям было отказано, Атос подумал, что он, который ничего не собирался покупать, будет еще менее желанным. Поэтому он весьма вежливо обратился к приказчикам с вопросом, не может ли он увидеть господина Планше.

Ему довольно небрежно ответили, что господин Планше сейчас кончает укладываться.

Атос насторожился и спросил:

– Как – кончает укладываться? Разве господин Планше куда-то уезжает?

– Да, сударь, сейчас он уезжает.

– В таком случае, господа, будьте добры доложить, что граф де Ла Фер желает переговорить с ним.

Услышав имя графа де Ла Фера, один из приказчиков, знавший, что здесь это имя весьма почтительно произносят, встал и пошел докладывать Планше.

Именно в этот момент Рауль, после сцены в комнате Монтале, приближался к двери лавочника.

Планше, услышав от своего приказчика о гостях, бросил работу и выбежал к Атосу.

– Ах, господин граф, какая радость! И какая звезда привела вас?

– Милый Планше, – сказал Атос, – мы пришли узнать у вас... Но что за хлопоты? Вы весь белый, как мельник. Куда вы лазили?

– Ах, будьте осторожны, сударь, и не подходите ко мне прежде, чем я как следует не отряхнусь.

– Почему?

– То, что вы видите у меня на руках, это – мышьяк. Я делаю запас для крыс.

– О, в таком заведении, как ваше, крысы доставляют много хлопот.

– Я не об этом заведении забочусь, господин граф.

– Что вы хотите сказать?

– Но ведь вы видели, граф: составляют опись моих товаров.

– Вы бросаете торговлю?

– Ну да, я уступаю заведение одному из моих приказчиков.

– Вот как! Значит, вы достаточно разбогатели?

– Сударь, мне опротивел город. Может быть, потому, что я старею, а как говорил однажды господин д'Артаньян, когда стареешь, чаще думаешь о своей юности; но с некоторых пор я чувствую влечение к деревне и садоводству. Я ведь когда-то был крестьянином.

Атос сделал одобрителный жест и сказал:

– Вы покупаете землю?

– Я уже купил, сударь, домик в Фонтенбло, с несколькими арпанами земли по соседству.

– Очень хорошо, Планше, поздравляю вас.

– Но здесь нам неудобно беседовать; вот вы кашляете от моей проклятой пыли. Черт возьми, я совсем не хочу отравить самого достойнейшего дворянина во всем королевстве.

Но Атос не улыбнулся этой шутке, которую Планше пустил, чтобы выказать светскую непринужденность.

– Да, – сказал граф, – поговорим где-нибудь в стороне. У вас, например. Ведь у вас есть тут квартира, не правда ли?

– Конечно, господин граф.

– Наверху?

И Атос, видя, что Планше стесняется, прошел первым.

– Дело в том... – начал смущенно Планше.

Атос не понял значения этого смущения и, идя вперед, проговорил:

– Ничего, Планше! Квартира торговца в этой части города не может быть дворцом. Пойдемте.

Рауль быстро опередил его и вошел.

И тут раздалось одновременно два, даже три крика. Громче всех был женский крик. Вторым вырвался из уст Рауля. Вскрикнув, он мгновенно закрыл дверь. Третий крик был криком ужаса Планше.

– Простите, – сказал он, – госпожа одевается.

Рауль, несомненно, убедился, что Планше говорил правду, так как он сделал шаг вниз по лестнице.

– Госпожа?... – спросил Атос. – Ах, простите, милый мой, но я не знал, что у вас там наверху...

– Это Трюшен, – добавил покрасневший Планше.

– Кто бы это ни был, Планше, простите нашу нескромность.

– Прошу вас, входите, господа, уже можно.

– Нет, мы не войдем, – сказал Атос.

– О, если б она была предупреждена, она бы успела...

– Нет, Планше, прощайте!

– Но вы же не захотите меня обидеть, господа, оставаясь на лестнице и уходя от меня, так и не присев?

– Если б мы знали, что у вас там наверху дама, – отвечал Атос со своим обычным хладнокровием, – мы бы попросили у вас позволения с ней поздороваться.

Планше так смутился, что быстро распахнул дверь, чтобы впустить графа и его сына.

Трюшен была совсем одета. У нее был вид богатой и кокетливой купчихи и лукавые немецкие глаза. После двух реверансов она вышла и спустилась в лавку.

Планше очень хотелось все объяснить, и, несмотря на то, что Атос всячески избегал этого, он рассказал, что Трюшен – радость его зрелых годов и что она принесла ему счастье в делах, как Руфь Вооз³.

– Теперь вам не хватает только наследников вашего благополучия, – сказал Атос.

– Если у меня будет наследник, он получит триста тысяч ливров.

Атос понял, что лавочник женится на Трюшен и будет иметь потомство. Это показалось ему тем более вероятным, когда он узнал, что приказчик, которому Планше продал свою лавку, приходился родственником Трюшен. Граф вспомнил, что это был краснощекий, курчавый и широкоплечий малый. Итак, Атос понял все и потому без всякого перехода спросил:

– Что подельывает господин д'Артаньян? В Лувре его нет.

– Но, господин граф, господин д'Артаньян исчез.

– Исчез? – удивился Атос.

– О, мы знаем, что это значит!

– Но я этого не знаю.

³ Руфь, Вооз – персонажи Ветхого Завета, супруги.

– Когда господин д'Артаньян исчезает, это всегда бывает ради какого-нибудь дела или поручения.

– Он сам с вами об этом говорил?

– Никогда.

– Однако вы знали заранее о его поездке в Англию?

– Из-за спекуляций, – неосторожно сказал Планше.

– Спекуляций?

– Я хочу сказать... – перебил смущенный Планше.

– Хорошо, хорошо, ни ваши дела, ни дела нашего друга нас не касаются; мы вас расспрашивали только из дружбы к нему. Но раз здесь нет капитана мушкетеров и раз мы ничего не можем узнать от вас относительно того, где увидеть господина д'Артаньяна, то мы с вами простимся. До свидания, Планше, до свидания! Едем, Рауль!

– Господин граф, я хотел бы вам сказать... Думаю, нет ничего нескромного в том, если скажу вам, что господин д'Артаньян был здесь на днях...

– А, вот как!

– И он несколько часов разглядывал географическую карту. Вот эта карта как доказательство, можете взглянуть, – добавил Планше.

И он действительно принес графу де Ла Феру карту Франции, на которой опытный глаз Атоса различил маршрут, наколотый тонкими булавками; там, где отсутствовала булавка, вехой и доказательством служила оставленная ею дырочка.

Проследив глазами за булавками и дырочками, Атос увидел, что д'Артаньян отправился на юг по направлению к Средиземному морю и Тулону. Около Канн отметки обрывались. Граф де Ла Фер несколько минут ломал себе голову, стараясь догадаться, зачем мушкетеру понадобилось ехать в Канн. Но размышления Атоса ничего не дали, и его обычная проницательность ему изменила. Рауль также ничего не разгадал, как и его отец.

– Что же делать? – спросил он у графа, который молча пальцем прочертил ему путь д'Артаньяна. – Как будто какой-то рок всегда сближает нашу судьбу с судьбой господина д'Артаньяна. Вот он возле Канн, а вы, граф, провожаете меня до Тулона. Будьте уверены, мы легче найдем его на нашем пути, чем на этой карте.

Затем, попрощавшись с Планше, который распекал своих приказчиков и даже своего преемника, родственника Трюшен, граф отправился с сыном к герцогу де Бофору.

Выйдя из лавки, они увидели фуру, на которой должны были поместиться прелестная Трюшен и мешки с золотом Планше.

– Каждый идет к счастью той дорогой, которую он себе выбрал, – промолвил Рауль.

– В Фонтенбло! – крикнул Планше своему кучеру.

XI

Опись господина де Бофора

Разговор с Планше о д'Артаньяне и отъезд Планше из Парижа в деревню были для Атоса и его сына как бы прощанием со всем столичным шумом и со всей их прежней жизнью. Что оставляли за собой эти люди? Один исчерпал всю славу прошлого века, другой – все страдание нового времени. Очевидно, им больше нечего было требовать у своих современников.

Оставалось только нанести визит герцогу де Бофору и уточнить условия отъезда.

Герцог жил в Париже с тем великолепием и пышностью, которые напоминали некоторым старикам расточительное время Генриха III.

В те времена некоторые вельможи были богаче самого короля. Они это знали и не отказывали себе в удовольствии немножко унизить этим его королевское величество. Это была та эгоистичная аристократия, которую Ришелье принудил платить дань своей кровью, деньгами и поклонами. Короче, он принудил ее к королевской службе.

От Людовика XI, страшного косаря великих мира, до Ришелье – сколько семейств снова подняли голову! И столько от Ришелье до Людовика XIV склонили головы, чтобы больше никогда их не подымать! Но герцог де Бофор родился принцем, и в его жилах текла такая кровь, которая проливается на эшафоте только по приговору народа.

Будучи принцем, он сохранил привычку жить в роскоши. Как оплачивал он расходы на лошадей, слуг и стол? Никто этого не знал, а он еще меньше, чем другие. Просто в те времена королевские сыновья имели ту привилегию, что никто никогда не отказывал им в деньгах, одни – из почтительности и преданности, другие – твердо веруя в то, что когда-нибудь им будет заплачено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.